

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**МОСКОВСКИЙ
ИНКВИЗИТОР**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Московский инквизитор (сборник)

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Московский инквизитор (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-72443-7

Высокопоставленный чиновник Николай Егоров подозревается в совершении крупного экономического преступления. Заведено уголовное дело, но Егоров не сильно переживает. Он уверен, что деньги и связи помогут ему выйти сухим из воды. Когда же чиновник узнает, что расследованием будет заниматься полковник Лев Гуров, от его уверенности не остается и следа. Ведь всем известно, что откупиться от принципиального московского сыщика невозможно. Но что делать? Не садиться же в тюрьму, в самом деле... Егоров разрабатывает хитроумный и коварный план. Он натравливает на Гурова «инквизиторов» из Управления собственной безопасности...

ISBN 978-5-699-72443-7

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Московский инквизитор	6
Пятница	6
Суббота	11
Воскресенье	21
Понедельник	33
Вторник	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Николай Леонов, Алексей Макеев

Московский инквизитор (сборник)

© Леонова О. М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Московский инквизитор

Пятница

Бабье лето в этом году отменили. Вместо высокого, пронзительно-голубого, прозрачного неба и ласкового, нежаркого солнца над головой нависали темно-серые, унылые и навевавшие тоску облака, постоянно плачущие то мелким нудным дождичком, то затяжными буйными ливнями. Да и под ногами было не лучше: вместо яркого, весело шуршащего осеннего разноцветья ходить приходилось по грязной липкой каше из опавших листьев и мусора. Одним словом – слякотная осень.

А вот собравшимся в этот вечер в особняке министра правительства Московской области Николая Владимировича Егорова по случаю дня рождения его супруги гостям все немилости погоды были до самой высокой лампы: в столовой ярко горели люстры, раздавался звон бокалов и беззаботный смех новых хозяев жизни и лиц, к ним приближенным. Тот факт, что хозяин дома находился под следствием и подпиской о невыезде из-за возбужденного против него уголовного дела о финансовых махинациях, никого не волновал, и самого Николая Владимировича в первую очередь – не он первый, не он последний. Среди тех, кто сидел сейчас с ним за одним столом, многие побывали на его месте, и ведь обошлось – для того и существуют адвокаты, чтобы вытаскивать клиентов, только скупись на них не надо. Да и полицейские тоже кушать хотят. Правда вот, аппетиты у всех разные в зависимости от занимаемого положения, но это тоже дело совсем обычное. Как говорится, не подмажешь – не поедешь. Точнее, если не подмажешь, то поехать можно как раз очень далеко и надолго. Но Егоров был уверен, что это не его случай – он уже занес в некоторые высокие кабинеты пухлые конверты и получил твердые заверения в том, что лично ему ничто не грозит и дело спустят на тормозах. Так что в этот праздничный вечер его настроение ничто не омрачало.

Веселье было в самом разгаре, когда к нему подошел один из охранников и прошептал на ухо:

– Николай Владимирович, к вам пришел человек на костылях. А вы предупреждали...

– Все правильно, – тихо сказал Егоров, мгновенно став серьезным. – Проведи его в мой кабинет.

Охранник ушел, а Егоров поднялся из-за стола, мило улыбнулся гостям и сказал, что оставит их на несколько минут, чтобы решить кое-какие домашние проблемы.

Когда он вошел в кабинет, там его уже ждал очень просто одетый худощавый мужчина неопределенного возраста, его костыли были прислонены к столу.

– Что-то случилось? – спросил Егоров, на что мужчина только глянул в его сторону и отвернулся. – Прости, глупость сказал. Должно было случиться нечто из ряда вон, чтобы ты пришел. Ты же сам говорил, что нас никто и никогда не должен видеть вместе. Так, что именно произошло?

– То, что в твоём деле непонятно как и непонятно откуда вдруг появился след, который, если его не оборвать, приведет к некоторым неприятным случайностям с летальным исходом, произошедшим с некоторыми людьми. А ведь я тебя предупреждал, что не стоит так увлекаться, достаточно было просто напугать, – ровным голосом напомнил гость и недоуменно спросил: – Ну, откуда в тебе эта кровожадность?

– Этого не может быть! – растерянно пробормотал Николай Владимирович. – Тут даже под лупой никто ничего не найдет!

– Этот найдет! – уверенно заявил гость. – Мне недавно позвонил человек, которому ты дал для связи мой номер телефона, и сказал, что принято решение подключить к расследова-

нию твоего дела группу полковника Гурова. Причем кандидатура эта предложена сверху, и предложена так, что отказаться было невозможно.

– Черт! Значит, придется опять платить! Когда уже они нажрут? – помотал головой Егоров.

– Не придется, – усмехнулся гость. – Он не берет.

– Все берут! – уверенно заявил Николай Владимирович.

– Этот – исключение, – не менее уверенно сказал гость. – И надавить на него тоже невозможно. Ты знаешь, что я периодически общаюсь с некоторыми людьми?

Егоров кивнул и удивленно пожал плечами:

– И охота тебе со всякими уголовниками якшаться?

– Во-первых, они бесценный кладезь нужной информации, а во-вторых, нужно же представлять себе, как живут люди по ту сторону закона, вдруг и самим придется там оказаться, – заметил гость.

– Типун тебе на язык! – буркнул Егоров и поплевал через левое плечо.

– От тюрьмы и сумы... Ну, и далее по тексту, – усмехнулся гость. – Но я это к тому, что они очень хорошо знают Гурова и много мне о нем рассказали. Так вот, полковник этот из-за своей честности в большом авторитете по обе стороны закона. Характер у него тяжелый, а хватка мертвая. Если уж он во что-то вцепится, то не отступит, пока до конца все не выяснит.

– И уголовники его за это уважают? – рассмеялся Николай Владимирович.

– Его уважают за то, что слово он свое всегда держит и еще никогда в жизни ни на кого, даже самого отъявленного негодяя, лишнего не навесил, – объяснил гость.

– Тогда, может быть, его проще убрать? – предложил Егоров.

– Опять ты за свое! – вздохнул гость. – Ну, просчитывай ты ситуацию хоть на несколько ходов вперед! – И стал втолковывать Николаю Владимировичу, как учитель двоечнику-второгоднику: – Во-первых, сделать это некому, причем по твоей же вине! Я что предлагал? Оставить человека на достойном пособии, объяснив ему, что работы больше нет, а ты решил вопрос кардинально! Зачем? – Егоров отвернулся и ничего не ответил. – Да, он стал строить из себя невесть что, напускал туману и загадочности, но никогда не сказал бы ничего лишнего, потому что получить пожизненный срок никому не хочется. Ладно! Что сделано, то сделано и обратно не вернуть. А ни времени, ни возможности найти надежного исполнителя для этого дела у тебя нет. К тому же убить Гурова очень сложно – некоторые неразумные люди не раз пытались это сделать, только часть из них уже на том свете, а остальные кушают не то, что хотят, а то, что им дают, и делать это будут еще очень долго. Для нас сейчас важно то, что Гуров пока ни о чем не знает, ему обо всем сообщат только в понедельник, так что у нас в распоряжении есть два дня. Если же Гурова убьют после того, как он уже подключится к твоему делу, – это прямая дорога к тебе. Тебе это надо?

Николай Владимирович продолжал сидеть за столом, отвернувшись, чтобы гость не видел, как зло скривились его губы – эта нотация выводила его из себя, но он ничего не мог возразить, и это бесило его еще больше. А гость тем временем продолжал:

– Скажу тебе больше, коллеги очень не любят Гурова за его независимость, ум, выдающиеся аналитические способности, потому что никто не любит тех, кто умнее, а Гуров из-за своего характера даже не скрывает своего отношения к тем, кого считает глупее себя. У него есть всего несколько друзей и только! Но! Если его, живую легенду МУРа, убьют, то на поиски его убийцы бросятся все! И не успокоятся до тех пор, пока не найдут! Так что твое предложение считаю нерациональным!

– Ну, тогда предложи что-то рациональное! – огрызнулся Егоров.

– А я уже все продумал, – небрежно заявил гость, и Егоров, вздрогнув, быстро повернулся к нему.

– Ну так что ж ты мне душу мотаешь? – с сердцем сказал он. – Сколько?

– Ты сначала выслушай, а потом будем решать, – задумчиво сказал гость и, помолчав, начал рассуждать: – Для нас главное, чтобы Гурова НЕ подключили к твоему делу. Если его кандидатура отпадет, то с остальным все будет просто – каналы у тебя налажены. Поэтому самый надежный вариант – скомпрометировать Гурова, причем так, чтобы им занялась служба собственной безопасности. Тут уж он надолго завязнет.

– Ты говори, что делать надо! – нетерпеливо потребовал Егоров.

– Я тут навел о нем справки и выяснил, что служба собственной безопасности уже вплотную интересовалась Гуровым, но тогда он выскользнул. И им это очень сильно не понравилось.

– Ты же говорил, что он не берет, – воскликнул Николай Владимирович.

– Гуров не берет, но! Как достоверно известно, по окончании следствия некоторые люди его благодарили, но преподносили подарки не ему лично, а его жене, актрисе Марии Строевой. Джип «Лексус» последней модели, шубки, бриллианты... Может быть, что-то еще, но я об этом просто не знаю.

– То есть по факту, – уточнил Егоров.

– Да! – кивнул гость. – Совсем недавно Гуров закончил дело некоего Александра, которого обвиняли во всех смертных грехах, и ему могло светить даже пожизненное. Но Гуров доказал его непричастность к тяжким преступлениям, и Александров получил только за свое. Таким образом, если тайком подсунуть его жене якобы от Александра какой-то ценный подарок и сообщить об этом в службу собственной безопасности, то в отношении Гурова начнется служебное расследование. На это время он будет отстранен от службы и, таким образом, твоим делом заниматься не сможет. Вот тебе очень элегантный, а главное, бескровный метод решения вопроса. Самое главное, чтобы эта вещь никак не была связана с тобой, чтобы при самом тщательном расследовании к тебе даже тонюсенькая ниточка не привела.

– Так что же ей подсунуть и как? – Поняв, что его проблему гость, как всегда, решил, Егоров вздохнул с облегчением.

– Как – я уже решил, – отмахнулся гость и объяснил: – У нее завтра премьера, цветов ей подарят море. Нужно будет просто положить эту вещь в корзину с какими-нибудь дорогими цветами, где ее потом и найдут, причем с запиской от Александра. Вот пусть потом Гуров и объясняется со службой собственной безопасности. Давай думать, что это будет конкретно. Вещь должна быть небольшая, но очень дорогая и необычная.

– Можно что-то из драгоценностей жены, – предложил Егоров, и гость, возведя глаза к потолку, застонал. – Понял, не подумал, – пошел на попятную Егоров и, помолчав, воскликнул: – А если просто деньги?

– Кого сейчас этим удивишь? – хмыкнул гость. – Нет, это должно быть нечто особенное! Чтобы народ ахнул и сказал: «А Гуров-то, оказывается, еще как берет! Только по мелочам не работает! Уж хапает так хапает!» Оптимальный вариант, чтобы вещь была... – он задумался. – Ну, с душком! Только вот искать ее времени нет.

Егоров поднялся и начал расхаживать по кабинету, а гость сидел, откинувшись на спинку стула, и равнодушно рассматривал картину на стене – он свое дело сделал, пусть теперь Егоров себе голову ломает. Наконец Николай Владимирович, остановившись перед гостем, сказал:

– Есть у меня такая вещь. И дорогая, и с душком. – Гость внимательно смотрел на него, ожидая подробностей, и тот, помолчав, продолжил: – Ты же знаешь, чем занимался мой отец?

– С законом не дружил, – заметил тот.

– Короче, перед переездом в Москву я продал дом с участком, и покупатели потребовали, чтобы я все оттуда сам вывез. Они собирались делать капитальный ремонт, так что им одни только голые стены и требовались. Ну, и заодно сарай освободил – они там на время ремонта жить собирались. Вот там-то я в ящике с инструментами одну вещь и нашел. Отец гвозди, шурупы, гайки и все прочее по жестяным коробкам из-под халвы, леденцов и чая держал. Сам не пойму, зачем я их открывать стал, – пожал плечами Егоров. – Ну, в общем, в одной из

коробок она и лежала, в газету завернутая. В нашей семье этой вещи никогда не было и быть не могло, так что папаша ее у кого-то увел, но вот у кого, теперь уже у него не спросишь – мне четырнадцать было, когда он погиб. Я ее никогда в жизни никому не показывал – понимал же, что ворованная.

– То, что ворованная, это прекрасно, но действительно ли она дорогая? – уточнил гость.

– Камешки в ней точно настоящие, потому что я проверял – стекло режут, как нож масло.

– То, что надо, – удовлетворенно заметил гость. – Дорогая, ворованная и к тебе никакого отношения не имеет. – И, наконец, поинтересовался: – А что это?

– Сейчас покажу, – пообещал Николай Владимирович.

Он достал из сейфа жестяную коробочку из-под карамели, открыл, и там, по-прежнему завернутый в старую газету, лежал некий предмет. Он вытряхнул его на стол, развернул пожелтевшую газету, и в кабинете вдруг словно стало светлее – это вспыхнули камни в небрежной кучкой лежавшем украшении. Гость расправил его, и оказалось, что это кольцо из крупных изумрудов в обрамлении бриллиантов.

– Пойдет, – просто сказал гость и поинтересовался: – Не жалко?

– Знаешь, – подумав, сказал Егоров, – папаша у меня дураком не был и городских барыг не понаслышке знал, но раз он не решился эту штучку сбагрить, значит, опасался чего-то. Может быть, за ней и убийство стоит. Она у меня уже давно без толку лежит, и если ты гарантируешь, что твоя идея сработает и этот Гуров до меня не доберется, то пусть хорошему делу послужит.

– А ты не забыл, как сам мне говорил, что мы в одной связке? – криво усмехнулся гость. – А что собой представляет Гуров, можешь поинтересоваться у кое-каких своих знакомых, но только после понедельника, – предупредил он. – Меня здесь никто никогда раньше не видел, а как объяснить мой сегодняшний визит, придумай сам.

Гость начал осторожно складывать кольцо, чтобы оно снова поместилось в коробку, и тут вдруг резко распахнулась дверь, и в кабинет влетела жена Егорова. Судя по виду, она уже крепко выпила и была взбешена настолько, что с ходу начала скандалить:

– Коля! У тебя совесть есть? Бросить гостей и меня в такой день! Какого черта ты здесь отсиживаешься? Тебя там уже все заждались! Если хотел испортить мне день рождения, то мог бы его просто не устраивать!

Егоров не успел и слова сказать, как женщина, увидев гостя, переключилась на него:

– Опять этот попрошайка! Опять пришел деньги с моего мужа тянуть! Сколько можно? Хромой отсюда, пока цел, а то я сейчас прикажу охранникам тебя, как мусор, выкинуть! Калека чертов!

Пока она орала, гость успел убрать кольцо в коробку и сунуть ее в карман, а потом взял костыли и стал подниматься со стула. Разъяренный Егоров подскочил к жене и влепил ей такую пощечину, что она мигом заткнулась, а потом почти проорал ей в лицо:

– Заткнись, шалава! Таких тварей, как ты, в Москве больше, чем грязи! Ты у меня третья и явно не последняя, потому что дура набитая! А он – один-единственный и других не будет! Поняла, сука!

Мигом протрезвевшая женщина только хлопала глазами и, как рыба, беззвучно открывала рот, а Николай Владимирович резко развернул ее к двери и вытолкнул из кабинета.

– Запоздалый урок, – покачав головой, заметил гость. – Раньше надо было учить, чтобы без стука в кабинет не вламывалась. И сказал ты сейчас много лишнего. Ты отправь-ка ее завтра прямо утром куда-нибудь отдохнуть, да подальше, да на подольше.

– Обойдется! – отмахнулся Егоров.

– Ты не понял, – укоризненно сказал гость. – То, что она меня видела – полбеда, но она видела вот это, – он похлопал себя по карману, где лежала коробочка, и объяснил: – Я его в тот момент еще не успел убрать. Сейчас она еще не поняла, что именно увидела, но вот

потом может и вспомнить, и понять. Так вот, чтобы у нее мысли были другим заняты, а новые впечатления вытеснили старые, ты ее и спровадь. Только, пожалуйста, не злобствуй, а то с тебя станется.

– Да ну тебя! – поморщился Николай Владимирович. – Как обратно доберешься?

– Моя проблема, – ответил гость. – И провожать меня не надо, сам выход найду. А ты иди праздновать дальше, а то и так подозрительно долго беседовал с, – он усмехнулся, – попросайкой.

Гость вышел, а Егоров, сев к столу, уставился на закрывшуюся за ним дверь. Он никогда не интересовался, где живет этот человек, чем еще занимается, почему одевается, как нищий, тратит ли свои деньги или копит их на что-то. Главным было то, что он всегда, как это случилось и сегодня, решал его проблемы, а большего Егорову не надо было. И если бы не этот человек, то так и сидел бы он в служебном кабинете, вымогал взятки, конверты с деньгами складывал в ящик, пока не накрыли бы. Никогда в жизни он сам не додумался бы до такой простой, но очень эффективной схемы, приносившей при минимальном нарушении закона баснословную прибыль, которую, однако, приходилось делить с гостем ровно пополам. А вот о том, что Егоров распространил эту схему еще кое на какие сферы деятельности, но уже без участия гостя, и совсем с другими людьми, которым с его барского стола доставались обеды, но они и этому были рады, тот не знал! Это было маленькой тайной мстью Егорова ему, потому что, как правильно заметил гость, никто не любит тех, кто умнее тебя. И довольный тем, что ему больше ничто не угрожает, Николай Владимирович пошел праздновать дальше.

Суббота

Премьера удалась! Шестнадцать выходов на поклон – это ли не триумф? Мария чуть не валилась с ног от усталости, но была счастлива бесконечно. Подаренные ей благодарными зрителями на сцене букеты уже не помещались у нее в руках, и их просто складывали на сцену. Но вот занавес опустился окончательно, и артисты стали расходиться по своим гримуборным. Лежавшие на сцене цветы Мария забирать не стала, да и не смогла бы – рук бы не хватило, и ушла, зная, что их тут же разберут ее коллеги. Не в первый раз такая история происходила, и все выглядело вполне достойно – это не она им с барского плеча букеты раздает, а они сами берут. К тому же она знала, что самые давние и верные почитатели ее таланта обязательно придут к ней в гримерку, чтобы лично выразить свое восхищение и преподнести цветы, несравненно более красивые и дорогие.

В своей гримерке, где царила единовластно – ей, как приме, соседней не полагалось, – она даже не стала переодеваться, зная, что скоро потянутся визитеры. Так и случилось: не успела она свалить букеты на диван, как в дверь постучали, и она, «нацепив» дежурную улыбку, отозвалась. Люди входили, вручали корзины цветов, целовали руку, рассыпались в самых восторженных комплиментах и уступали место следующим. Многих из поклонников она знала лично, но были и новые люди. Один из таких, очень дорого и со вкусом одетый мужчина преподнес ей корзину роскошных желтых роз, выразил восхищение ее игрой, поцеловал руку и ушел. Мария благосклонно все приняла, улыбалась ему, как и остальным, но вот когда наконец осталась одна, стала задумчиво рассматривать эту корзину и, судя по виду, мысли в этот момент у нее в голове были самые нерадостные, а от ее прекрасного настроения и следа не осталось.

Полковник-важняк Лев Иванович Гуров и его троюродный племянник Александр Васильевич Вилков, по совместительству старший лейтенант полиции, работавший теперь в группе Гурова, ждали Марию после премьеры дома. Завзятыми театралами ни тот, ни другой не были, так что Мария уже давно смирилась с тем, что ее очередной триумф они разделят с ней дома. Стол был накрыт, шампанское мерзло в холодильнике, а вот виновница торжества задерживалась. Лев уже совсем было собрался позвонить ей и узнать, не случилось ли что-нибудь, как раздался звонок в дверь.

– Ну наконец-то Маша соизволила вспомнить о том, что у нее есть семья, – усмехнулся Гуров. – Странно, что ногой в дверь не стучит, обычно у нее руки так цветами заняты, что не то что ключи достать, а даже на звонок нажать не может.

Он открыл дверь и с удивлением увидел за ней своего давнего приятеля телевизионщика Александра Турина, а рядом с ним – оператора с камерой в руках.

– Турин! Ты в своем уме? – удивленно спросил он. – Мария сейчас уставшая придет, ей только до интервью и съемок! Разворачивайся!

– Лева! Она тебя не предупредила? – не менее удивленно спросил тот. – Она же мне сама недавно позвонила и сказала, что хочет дать интервью сразу же после премьеры, так сказать, по свежим следам, чтобы поделиться впечатлениями и так далее, причем у себя дома. Ты характер Машин не хуже меня знаешь. Если бы я сюда самовольно явился, то летел бы потом кубарем по лестнице, ступени пересчитывая. И это несмотря на то, что когда-то именно благодаря мне вы и поженились.

– Не передергивай! Ты нас всего лишь познакомил, – поправил приятеля Лев, судорожно пытаясь понять, что именно и зачем Мария затеяла, а потом смирился: – Ладно! Заходите!

Переодевшись, Мария вынесла из своей гримерки несколько букетов и корзин с цветами, в том числе и с желтыми розами, и положила их на пол возле стены. Ничего необычного в

этом опять-таки не было, она уже неоднократно так делала – это тоже предназначалось для других артистов и прочих работников театра. Те же цветы, которые Мария решила взять домой, она упаковала в большие черные полиэтиленовые пакеты, которые обычно используются для мусора, поместила их на заднее сиденье своей машины и поехала домой. Едва она тронулась с места, как сидевший в припаркованной неподалеку машине мужчина позвонил кому-то по сотовому и сказал: «Она выехала, встречайте».

Оставив машину на стоянке возле дома, Мария забрала цветы и спокойно направилась домой. Она нажала на звонок, когда услышала, как открывается соседняя дверь, и повернулась, чтобы поздороваться. Но кроме соседей, пожилой супружеской четы, там оказались двое незнакомых мужчин, которые мгновенно предъявили открывшему дверь Гурову свои служебные удостоверения, заявив:

– Управление собственной безопасности.

– Чем обязан? – неприязненно спросил Лев – эту службу он не любил, и оснований для этого у него было предостаточно.

– Ознакомьтесь, – сказал один из мужчин, протягивая ему лист бумаги.

– Обыск? – удивился Гуров. – На каком основании?

– Нами получена агентурная информация о том, что вам передана взятка в особо крупном размере. Предлагаем выдать ее добровольно. Понятые, как вы видите, присутствуют. Сопrotивление оказывать будете? – насмешливо спросил мужчина – видимо, он был в этой паре за старшего.

– Ни в коем случае, – ответил Гуров, который уже сложил в уме два и два и понял, откуда вдруг взялось желание Марии дать интервью сразу же после премьеры, причем именно у себя дома, и, открыв дверь пошире, пригласил: – Проходите, – и тут же позвал: – Турин! Твой выход!

– Всегда готов! – отозвался тот. – Я все слышал и горю желанием рассказать широкой общественности об очередном проявлении беспредела, творимого российской полицией.

Увидев нацеленный на них объектив камеры, полицейские на несколько мгновений растерялись, но быстро опомнились, и один из них бросился к оператору, чтобы отобрать камеру.

– В присутствии свидетелей? – весело воскликнул Турин. – Ребята! Спасибо за горячий материал! Он так прозвучит!

– Прекратите снимать! – едва сдерживаясь, приказал старший из полицейских.

– Свобода прессы, свобода слова, – развел руками Турин. – Имеем право! Кстати, представьтесь, пожалуйста, а то, как я слышал, своих имен вы так и не назвали, а страна должна знать своих героев.

– Полковник Гуров видел наши удостоверения, – отрезал один из мужчин.

– Вы их так быстро убрали, что я не только не успел запомнить имена, но даже удостовериться в их подлинности. А они вполне могут оказаться поддельными, и тогда это обыкновенный «разгон», самочинный обыск, производимый лицами, не имеющими на это никакого права, в целях собственного обогащения либо с иными преступными целями, – хладнокровно парировал Лев. – Будьте добры предъявить их еще раз, как старший по званию, я имею на это право.

– Пока старший, – буркнул один из полицейских.

– Время покажет, – усмехнулся Лев. – Итак, я жду!

Полицейским ничего не оставалось делать, как снова предъявить удостоверения, но из рук они их не выпускали, что не помешало Гурову вслух прочесть их имена:

– Капитан Задорожный и майор Лесков. Ну вот и познакомились. А теперь давайте к делу, – предложил Лев и спросил: – Что вы собирались здесь найти?

– Старинное и очень дорогое кольцо, которое было передано вам через жену от рецидивиста Александрова в качестве благодарности за то, что вы развалили его дело. Оно было спря-

тано в корзине с желтыми розами. Предлагаю выдать его добровольно, – с ненавистью глядя на Гурова, сказал Лесков.

– Как оно выглядит? – поинтересовался Лев.

– Неизвестно, – сухо ответил Задорожный.

– Черная кошка в темной комнате, при том, что ее там еще и нет, – хмыкнул Гуров.

– Все цветы, что я привезла из театра, здесь, ищите сами, – спокойно сказала Мария.

Тщательно упакованные букеты были безжалостно разобраны, а корзины только что наизнанку не вывернуты, но ни колье, ни желтых роз не нашли. Лесков вышел на лестничную площадку, явно чтобы позвонить начальству, и, вернувшись, потребовал:

– Предъявите для осмотра ваши вещи!

Мария без возражений взяла свою сумочку и вывалила ее содержимое на столик в прихожей – обычная женская мелочь, среди которой колье не оказалось.

– Выверните все свои карманы, – продолжал он.

Мария и это сделала, и с тем же успехом.

– Надеюсь, вы не собираетесь проводить личный обыск моей жены, – ледяным тоном спросил Лев.

– А почему нет? – язвительно поинтересовался Задорожный.

– Тогда нужно было взять с собой женщину-полицейского, – заметил Лев и спросил: – Судя по вашим словам, эту корзину с желтыми розами вручили моей жене сегодня?

– Да, после спектакля, непосредственно в гримерке, – ответил Задорожный.

– Вы задержали человека, который это сделал? – продолжал интересоваться он.

– Тайна следствия, – отрезал Лесков.

– Значит, нет, – сделал вывод Лев. – Гримерка моей жены обыскана? Там эта корзина нашлась?

– Это уже не ваше дело, – взбесился Лесков. – Что вы мне здесь допрос устраиваете? Скоро сами будете на вопросы отвечать! И не у себя дома!

– Значит, там ее тоже не оказалось, – кивнул Гуров. – Маша, куда ты ее дела?

– Ну ты же знаешь, что я терпеть не могу желтые розы, – удивилась она. – Я ее выставила в коридор вместе с другими цветами. Я же не грузчик, чтобы таскать такие тяжести, а моя машина – не грузовик.

– Полагаю инцидент исчерпанным, – сказал Гуров. – Ни я, ни старший лейтенант Вилков сегодня в театре не были и, таким образом, ничего взять у Марии не могли, а у нее самой колье нет. Всего доброго.

– Но вы не учитываете того, что она могла достать его оттуда и куда-то спрятать, чтобы забрать позднее, – язвительно сказал Лесков.

– Делать мне было больше нечего! – фыркнула Мария. – Мне подарили столько цветов, что, вздумай я разбирать все букеты, провозилась бы до утра.

– Но вы могли знать, где именно искать, – ехидно заметил Задорожный. – Вдруг муж вам указал точное место? Вы достали, спрятали в укромном месте, потом выставили корзину в коридор и явились домой с самым невинным видом. Гражданка Строева! Вы задержаны! Имеем право на 48 часов без предъявления обвинения. Господин полковник! Мы закон не нарушили?

Возразить на это Гурову было нечего.

– Собирайтесь, гражданка Строева! – велел ей Лесков.

Если Мария и растерялась, то виду не подала, а просто спросила у мужа:

– Лева! Подскажи, что мне лучше надеть и взять с собой.

– Спортивный костюм и туалетные принадлежности, а покушать тебе сейчас Сашка соберет – ты же после спектакля не то что не поужинала, а даже глотка воды не выпила, – только и мог ответить Гуров.

Мария ушла переодеваться и вернулась уже в спортивном костюме и с полиэтиленовым пакетом в руках.

– А вот теперь мы будем проводить полноценный обыск, – торжествующе заявил Лесков.

– Основание? – потребовал Лев.

– Колье могло быть спрятано на теле вашей жены и, переодеваясь в спальне без свидетелей, она могла его куда-то перепрятать, – невинно пояснил Лесков.

– Ночной обыск? Ну-ну! – покачал головой Лев, а потом кивнул, словно разрешая: – Ищите! Турин! – он повернулся к нему. – Бди! А то еще подсунут что-нибудь!

– Глаз не спущу! – заверил тот.

Предвкушая, какой сенсационный материал он выпустит в эфир, если повезет, уже в ночных новостях, Турин вел себя, как взявшая след гончая, а уж утром он развернется вовсю – спать не будет, есть не будет, но бомба получится такая, что рванет на всю страну. А вот изо всех сил старавшийся сохранить внешне спокойный вид Гуров мысленно поклялся страшно отомстить всем инициаторам этой затеи – в том, что Александров здесь ни при чем, он был уверен на тысячу процентов, потому что тот дураком не был никогда.

– Маша, иди и поешь, – попросил он жену. – Это надолго.

Мария скрылась в кухне, а Гуров остался наблюдать за тем, как их уютная квартира превращается черт знает во что – на городской свалке порядка больше. Турин и оператор не отставали от полицейских ни на шаг, фиксируя каждое их движение, а вот понятые, которым и следовало за всем этим наблюдать, мирно устроившись на диване, дремали – время-то ночное, а у них возраст. Как и ожидалось, обыск ничего не дал. Когда был составлен протокол и понятых решили разбудить, чтобы они его подписали, Гуров резко запротестовал:

– Эти люди спали и ничего не видели, а вот телевизионщики были свидетелями всего, пусть они и подписывают.

– С большим удовольствием, – охотно согласился Турин, да и оператор не отказался.

Марию, слава богу, что еще наручники недодумались надеть, повели к машине, Гуров с Вилковым решили ехать за ними следом, а вот Турин отправился в Останкино, шепнув Гурову на прощанье:

– Смотри новости, Лева! Я их размажу таким тонким слоем, что уже никто и никогда в жизни обратно не соберет.

«Господи! – подумал Лев. – Да если бы можно было, то он даже из своих собственных похорон сенсацию бы сделал!»

В ИВС дежурный, увидев Гурова, глазам своим не поверил, но тот отвел его в сторону и шепнул:

– Это моя жена. Произошло чудовищное недоразумение, так что она тут ненадолго. Постарайся, чтобы с ней ничего не случилось, – и, протягивая визитку, сказал: – В случае чего, звони мне немедленно на сотовый. Взятки и сам не беру и другим не даю, но друг я надежный.

– Лев Иванович! Зачем обижаете? – возмутился тот. – Будем обращаться, как с хрустальной вазой. Я ее в хорошую камеру помешу, к мошенницам. Они тихие.

Когда формальности были закончены, Мария повернулась к мужу:

– Не волнуйся, Лева! Любой жизненный опыт полезен – вдруг когда-нибудь доведется преступницу играть.

– Маша, это ненадолго, – твердо заверил ее Лев.

Он и Вилков вышли из ИВС, и Лев тут же позвонил генерал-майору Петру Николаевичу Орлову, своему непосредственному начальнику, но в первую очередь давнему другу, и, конечно же, разбудил его.

– Лева! Что случилось? – сонным голосом спросил тот.

– Машу задержали, она в ИВС, – кратко ответил Гуров.

– Что?! – проревел тот, окончательно просыпаясь.

– То, что слышал. Мы с Сашкой едем к тебе, а ты пока Стаса вызови, – попросил Лев.

Несмотря на то что улицы Москвы в этот час были довольно пустынными, Лев ехал, соблюдая все правила дорожного движения – еще не хватало сейчас напороться на гаишников, и так проблем выше крыши. К их приезду на столе в кухне было накрыто что-то вроде раннего завтрака – супруга Петра Николаевича за годы их совместной жизни привыкла ко всем сложностям полицейской службы и научилась правильно на них реагировать. Гуров и Вилков приехали первыми, но и Станислав Васильевич Крячко, тоже полковник-важняк и третий член этой дружной команды, не заставил себя ждать. Услышав о том, что произошло, Орлов с Крячко, уж на что битые жизнью мужики, просто онемели.

– Лева, кому ты дорогу перешел? – спросил Петр Николаевич.

– Сам ничего не могу понять, потому что не было у меня в последнее время таких дел, чтобы я чьи-то высокопоставленные мозоли оттоптал, – пожал плечами Гуров. – А тут настоящую свору цепных псов на меня спустили. И чувствую я, что это еще не конец. Они во все тяжкие пустились, чтобы меня утопить! Найду того, кто за этим стоит, башку отверну лично!

– А я помогу! – поддержал приятеля Стас. – И вот что я вам скажу: это не Александров! Он, конечно, бандит со стажем...

– И поэтому точно знает, что Гуров не берет, – кивнул Петр. – А чтобы так подставить Леву, у него мозгов не хватит, тут чья-то другая голова сработала. И я бы ее тоже с большим удовольствием открутил к чертовой матери.

– Петр Николаевич, а может, это упреждающий удар? Чтобы дядя Лева чего-то не смог сделать? – тихо высказал свое мнение Вилков, называвший Гурова по-родственному только среди своих.

– А! – отмахнулся от него Орлов. – Да ничего ему никто поручать не собирался, я бы знал.

– Адвокат Марии нужен, самый лучший. Ее же завтра утром на допрос вызовут, – сказал Гуров. – Кого бы нанять?

– Ночь на дворе, – напомнил Стас.

– А мне плевать! – разозлился Лев.

– Тебе нужен не самый лучший, а самый скандальный, который такую волну поднимет, что недругов твоих с головушкой утопит, а такому можно позвонить в любое время, – посоветовал Орлов. – Мне кажется, Любимов подойдет.

– Крыса он редкая! – с ненавистью процедил Крячко. – Я помню, как он Волоскова отмазал, а тот был в дерьме по самые уши. И ведь получил-то условно!

– Значит, это мы плохо сработали, что он смог прорехи в деле найти, – остудил его праведный гнев Гуров. – В другое время руки бы ему не подал, но сейчас... – он вздохнул. – Он действительно самый лучший?

– А ты еще на примере Волоскова не убедился? – хмыкнул Стас.

– Ладно! Уговорили! Только где бы его телефон найти? – смирился с неизбежным Лев.

В этот момент зазвонил его сотовый – это был Турин:

– Лева! Включи круглосуточный новостной! Сейчас сюжет пойдет! А уж утром я ударю во все колокола! – радостно пообещал он и, спохватившись, добавил: – Да! Я сейчас с Любимовым созвонился, он как раз по таким делам специалист. Он готов взяться за это дело. Пиши номер.

Гуров записал номер и, отключив телефон, взял лежавший на столе пульт от небольшого кухонного телевизора. Он щелкнул кнопкой и сказал:

– Сейчас сами все увидите.

И Петр со Стасом действительно увидели! Матерясь сквозь намертво стиснутые зубы, они смотрели то, что недавно происходило в квартире Гурова. Репортаж был эмоционально накален, а закадровые комментарии Турина – до невозможности язвительны в адрес полиции и бесконечно сочувственны по отношению к Гурову и Марии. И хотя это были только выжимки, но и этого хватило, чтобы привести всех четверых в чувство неконтролируемой ярости, потому

что, находясь на месте происходящих событий, Гуров и Вилков не могли оценить ситуацию полностью, но теперь, глядя со стороны, сжимали кулаки от бешенства. Закончил же Турин пафосно-патетически:

– Полицейский беспредел в России набирает обороты. Кто же положит этому конец? Неужели власти страны стали настолько беспомощны, что не в силах справиться с подконтрольными им силовыми структурами? Или не хотят? Мы будем следить за развитием ситуации, и очередной выпуск специального журналистского расследования будет посвящен этим возмутительным событиям. Но выйдет он не как обычно, в пятницу, а завтра, в 16 часов. Не думаю, что правоохранительные органы решатся направить к нам своего представителя, но я уверен, что творческая интеллигенция столицы не откажется обсудить в прямом эфире новые проявления полицейского беспредела, творимые по отношению к законопослушным гражданам нашей страны. Следите за анонсами передачи.

– Ладно, – сказал Орлов. – Отматерились, и будя. Надо дело делать, звони Любимову. Не заставляй уважаемого адвоката себя ждать.

Едва Лев взял телефон, как тот зазвонил. Номер был незнакомый, но Лев ответил – это оказался дежурный ИВС. Он долго колебался: звонить или нет, а потом подумал, что лучше рискнуть. О том, что некоторые генералы не без содействия Гурова сменили место работы на гораздо менее престижное, а то и вовсе со службой и свободой распрощались, в полицейских кругах Москвы не знал только глухой. Вот и получалось, что иметь такого человека врагом – себе дороже, тем более что он все равно скоро все и сам узнает, так что лучше уж вовремя прогнуться.

– Лев Иванович, – шепотом проговорил он. – Я, как и обещал, собирался поместить вашу супругу в тихую камеру, но мне приказали посадить ее к уголовницам.

– Кто? – помертвев, выдохнул Лев.

– Никифоров, – еще тише, едва различимо ответил дежурный. – Только вы меня не выдавайте, пожалуйста. Мне же здесь еще служить.

– Не выдам, – пообещал Гуров.

Поняв, что произошло что-то страшное, остальные трое не дыша уставились на него, но Лев все молчал.

– Ну? – рывкнул на него Орлов.

– Никифоров приказал посадить Марию к уголовницам, – мертвым голосом произнес наконец Лев. – Если с ее головы хоть волос упадет, я его застрелю, – сказал он, и прозвучало это так, что все поверили – да, застрелит.

– Вот ведь сука! – с ненавистью процедил Крячко. – Ну повезло тебе один раз! Уцелел ты, когда ложкомоевских ублюдков там потравили, так сиди тихо! Нет же! Он снова на рожон лезет!

– Ему просто приказали, – тем же голосом ответил Лев. – И он, гад, мне скажет, кто именно!

– Охолопись, Лева! А то таких дров наломаешь, что рядом с Марией окажешься! – прикрикнул на него Орлов. – С этим делом я и сам разберусь! Ты адвокату звони!

Непослушными пальцами Лев с трудом набрал номер Любимова, который ответил ему тут же.

– Это Гуров, – представился Лев.

– Здравствуйте, господин полковник, – сочувственным тоном сказал адвокат. – Наверное, репортаж нашего общего знакомого Александра Турина смотрели, вот и позвонили попозже. Я тоже посмотрел – грустное зрелище. Сколько живу, столько удивляюсь, как некоторые люди весело и с песней копают себе могилы, а потом очень удивляются тому, что в них оказались – это я о Задорожном, Лескове и тех, кто за ними стоит. Как я понял, ваша супруга в ИВС?

В каком именно? – поинтересовался он и, услышав ответ, предложил: – Тогда встретимся с вами возле входа в девять часов утра.

– Завтра воскресенье, – напомнил Гуров. – Как вы сможете получить ордер, если даже я не знаю, кто будет ее следователем?

– Простите, Лев Иванович, но это уже мои проблемы, – успокаивающе заверил Любимов.

– Марию посадили в камеру к уголовницам, – сдавленным голосом сказал полковник.

В ответ адвокат присвистнул и заявил:

– Тогда считайте, что эти люди себя уже и закопали! До встречи!

Отключив телефон, Гуров тяжело вздохнул и стал подниматься.

– Ну куда ты в таком состоянии? – остановил приятеля Орлов. – Оставайся у меня – спать-то всего пару-тройку часов осталось, а то, пока доедешь, и того не будет.

– Надо переодеться, чтобы выглядеть достойно, а то эти сволочи решат, что они меня сломали, – объяснил Лев.

– Да мы с дядейлевой поедем, – поддержал родственника Вилков.

– Так у вас же там, судя по репортажу, черт ногу сломит. Все вывалено, скомкано и перемешано вдобавок, – попытался отговорить их Стас.

– Вот пока дядя Лева будет спать, я ему костюм, рубашку и все остальное подготовлю, – заверил их Саша.

Поняв, что спорить бесполезно, Орлов с Крячко махнули рукой, и Гуров с Вилковым ушли. Когда Лев вошел в квартиру и увидел царивший там разгром, то чуть не взвыл. А уж когда посмотрел на празднично накрытый в честь премьеры Марии стол, стало еще хуже, хотя вроде бы дальше уже и некуда. Он заставил себя лечь на кровать, хотя и понимал, что не уснет, но едва он закрывал глаза, как ему представлялись такие картины Марии в одной камере с уголовницами, что впору брать пистолет, ехать в ИВС и расстреливать там всех, кто только попадется на пути.

Возившийся на кухне Вилков прекрасно понимал, что дядя Лева не спит, но все равно старался не шуметь. Он выудил из валявшихся кучей на полу вещей костюм, рубашку, галстук и все остальное, что могло потребоваться Гурову через несколько часов, и старательно стал приводить их в порядок, но думал при этом о тете Маше, хотя она и запрещала ему так себя называть, а велела обращаться просто по имени.

А у Марии к тому времени все уже было в порядке. Относительном, конечно. С трудом пережив процедуру обыска, личного досмотра, фотографирования и дактилоскопирования, она довольно долго сидела в какой-то комнате, держа в руках не только пакет с туалетными принадлежностями и кое-какими продуктами, которые ни за что не стала бы есть после того, как в них копались чужие люди, но и стопку жутко чем-то вонявшего постельного белья. Наконец за ней пришла какая-то женщина в форме и повела ее по бесконечным коридорам. Звук отпирившихся перед ней, а особенно запираемых сзади замков здорово действовал на нервы, но она держалась.

– Все мужики – сволочи, – негромко говорила ее конвоирша. – Все, как один! Хоть бы раз на нормального одним глазком посмотреть! Так ведь нет их!

– Ну почему? Есть исключения, – не выдержав этого бормотания, сказала Мария.

– Это ты про своего, что ли? – уточнила женщина, и Мария кивнула. – Ничего не скажу, орел-мужик! Только ведь все равно тебя не уберег! Хотя вытащить – конечно, вытащит! Это же уму непостижимо, чтобы жену самого Гурова в изолятор сажали!

Наконец они остановились перед одной из дверей. Глянув через окошечко внутрь, конвоирша отперла замки и сказала:

– Ну, ступай! Бог тебе в помощь! Ты уж там поаккуратней!

Мария вошла в полутемную камеру, дверь за ней закрылась, и она, ничего не видя после яркого света, сделала всего один шаг вперед, но на что-то налетела, это что-то загремело, и отовсюду раздались недовольные голоса:

– Ты чё шумишь? Чё спать мешаешь?

– Под ноги гляди, шмара безглазая!

Женщины еще повозмушались, и, когда они немного стихли, Мария сказала:

– Добрый вечер! Извините, но я не видела, что здесь на дороге что-то стоит.

Тут она почувствовала возле себя чье-то присутствие, раздался голос:

– А вот это тебе, чтобы в следующий раз лучше видела!

Потом Мария почувствовала резкую боль, и на нее обрушилась темнота. Когда она уже могла что-то соображать, оказалось, что она лежит на полу, свет включен, но перед глазами все плывет, а сверху раздается чей-то торжествующий голос:

– Бабоньки! Мы новенькую прописали! Кончай придуриваться! Вставай! Обзовись, кто такая будешь!

Вставать Марии решительно не хотелось. Хотелось просто умереть, вот на этом самом месте. Чтобы больше не было этой боли в левом глазу, этого унижения, этих издевательств. Вот тебе и Станиславский: «Вы в предполагаемых обстоятельствах». Тут над ней раздался уже другой голос, грубый и хриплый:

– Клякса! Ты ее, часом, не пришибла?

– Да нет! Вон! Раз глазом хлопает, значит, живая! Вторым-то она еще не скоро глядеть сможет! Вставай! – За этим последовал такой удар ногой в бок, что Мария заорала от боли.

– Клякса! Отзынь! Только трупов нам здесь и не хватало! – остановил избиение все тот же грубый голос. – Поднимите ее! Хоть посмотрим, кто такая. Точно, что не из наших.

Марию грубо подхватили под руки и поставили на ноги, которые под ней подгибались, а голова свесилась на грудь. Кто-то взял ее за волосы, закинул голову так, чтобы было видно лицо, и раздался голос:

– А она ничего! Ну, Баржа, это по твоей части!

– Не в моем вкусе, да и старовата, – ответил грубый голос.

И вдруг одна из женщин воскликнула:

– Эй, подруга! Ты хоть знаешь, на кого ты похожа?

– На саму себя! – пробормотала Мария.

– Это самой собой! На артистку ты похожа! Марию Строеву! Я ее как раз недавно по телику видела! Ну точь-в-точь!

– Это я и есть! – тихо ответила Мария – она уже начала понемногу приходить в себя.

Установилась мертвая тишина. Если бы Мария посмотрела вокруг, то увидела бы, как все женщины, замерев, переглянулись, а лица у них стали напряженными.

– Гонишь! – неуверенно сказала Клякса. – Чтобы народную артистку и в тюрьму?

– В России все бывает, – вздохнула Мария и невольно вскрикнула – вздох отозвался болью в боку.

– Щас проверю, – удивленно сказала Баржа и, достав сотовый, начала кому-то звонить.

– Ну если мы уже познакомились, можно я сяду? – попросила Мария.

– Мы и так сидим, – произнесла Клякса известную еще со времен царя Гороха остроту, но ее никто не поддержал, и она замолчала.

Мария осторожно доковыляла до стола и аккуратно присела на скамейку, а все растерянно смотрели то на нее, то на Баржу.

– Она и есть, – сказала наконец та и, подойдя к столу, села напротив.

– Блин! Менты вконец охренели! Артистку в тюрьму сажать! – зашумели женщины.

Они стали негромко обсуждать между собой произошедшее, а Баржа тем временем командовала:

– Лед из холодильника достаньте и в тряпку заверните, чтобы Марья к глазу приложила, хотя, – она махнула рукой, – сигнал и так будет вполлица.

– Так кто же знал-то, – смущенно начала оправдываться Клякса и отправилась к холодильнику.

– Куришь? – спросила Баржа.

– Иногда, потому и не взяла с собой, – объяснила Мария.

Баржа пододвинула ей пачку «Парламента».

– Сейчас как раз тот случай. Кури, – а потом распорядилась: – Достаньте из заначки коньяк и закуску соберите.

Женщины засуетились, а Мария закурила. Она затаилась, и от глубокого вздоха в боку опять стрельнула боль. Мария закашлялась, но мужественно докурила до конца – черт его знает, как отреагирует эта Баржа на то, что она оставит сигарету недокуренной. Тем временем стол был накрыт, коньяк налит в алюминиевые кружки и закуска, причем самая разнообразная, сырокопченая колбаса, сало, ветчина, сыр, малосольная семга, разложена по таким же мискам. Женщины сели к столу – одна только Клякса воевала с холодильником, выламывая оттуда куски льда. Никто ни до чего не дотрагивался, пока Баржа не взяла свою кружку и сказал:

– Ну, со знакомством!

Все выпили залпом, и только Мария отпила немного, объяснив:

– Боюсь больше, внутри все болит, как бы хуже не было.

– Ну смотри, как хочешь, – не стала настаивать Баржа. – Хотя коньяк хороший, казахский. Они там такой наловчились делать, что от французского не отличить. Закусывай чем бог послал.

Мария немного поела и почувствовала, что ее клонит в сон. Увидев это, Баржа приказала:

– Чаю покрепче для Марьи сделайте.

Отпив немного крепкого, душистого, обжигающего и очень сладкого чая, Мария почувствовала себя бодрее. Она, конечно, знала, что и сотового телефона, и спиртного в ИВС по правилам быть не должно, но, видимо, на Баржу это не распространялось. Несмотря на то, что обстановка, казалось бы, разрядилась, она понимала, что расслабляться рано, и оказалась права, потому что Баржа сказала:

– Марья! А ведь муж-то у тебя мент! Полковник Гуров! Так?

– Да, – кивнула Мария. – И женаты мы уже давно.

– Ты не бойся! – успокоила ее Баржа. – Он мент правильный. Честный. За что его люди и уважают. А теперь рассказывай, что у тебя приключилось, раз даже он не смог тебя защитить. И заодно глаз лечить будешь. Клякса, долго тебя ждать?

Женщина принесла куски льда, завернутые в полотенце не первой свежести, но Мария даже бровью не повела, а приложила компресс к глазу и начала рассказывать, как было дело. Женщины, а уж они-то, как она поняла, на таких делах собаку съели, внимательно слушали. Когда она закончила, Баржа авторитетно заявила:

– Подстава голимая! Причем не ментовская – эти бы тоньше сработали! И наши здесь ни при чем – о том, что Гуров не берет, знают все до единого. Если Александров это Санька Рыжий, то Гуров в его деле честно разобрался, и получил он только то, что положено. Санька бы на такое не пошел, он с головой дружит, а за такое ее и оторвать могут. Надо бы ему маляву кинуть, чтобы знал, какие дела от его имени творятся. – И, подумав, продолжила: – Кому-то твой мужик крепко поперек горла встал. А ментов втемную использовали, – уверенно сказала она. – Какая-то сука им стуканула, что через тебя Гурову будут взятку давать, причем указала что именно, в чем и от кого, уже после того, как тебе эти цветы дали. Иначе мужика того, что их принес, прямо в коридоре повязали бы. Менты на эту туфту купились, а времени на подготовку у них не было. Вот и лопухнулись. А теперь что? Колье нет! Да еще и неизвестно, было ли. Цветов нет, мужика, что к тебе приходил, нет. Сплошной голяк! Вот им и не оставалось ничего

другого, как тебя со злости закрыть в порядке 97-й статьи УПК, чтобы ты якобы доказательства не уничтожила. Да чтобы Гурова, если получится, сломать! Его многие не любят!

– Его нельзя сломать, – не менее уверенно сказала Мария. – Ни через меня, ни по-другому. Меня уже и похищали, и убить пытались, только боком все выходило тем, кто это затеял.

– Ну, бог даст, и в этот раз твой мужик не оплошает, – усмехнулась Баржа. – Все! Всем спать! Марью завтра утром обязательно на допрос дернут, так что голова ей ясная нужна.

– А где мне себе постелить? – спросила Мария.

– Уже постелили, – сказала Баржа, кивая на нижнюю койку возле окна.

– Но ведь я же чье-то место заняла? – повернулась к женщинам Мария.

– Мое, – ответила одна из них. – Только мне почему-то кажется, что ты тут у нас ненадолго и оно скоро освободится. Если после завтрашнего допроса сюда обратно не вернешься, то мужу передай, что Нинка Краевая его до сих пор добрым словом вспоминает. Он тогда с моим делом по справедливости разобрался. Хотя... – она усмехнулась. – В жизни моей все равно ничего не изменилось.

Мария начала подниматься со стула и вдруг замерла из-за боли в боку.

– Господи! Да что же с тобой делать-то? – виновато воскликнула Клякса. – Может, еще один холодный компресс?

– Лучше я коньяк допью, – пробормотала Мария. – Вдруг поможет уснуть?

Она осторожно легла, свет снова потушили, оставив слабое ночное освещение, но заснуть Мария так и не смогла. И не только из-за боли в боку и глазу, но и из-за мыслей, которые роились у нее в голове.

Воскресенье

Ночь Гуров провел без сна и встал утром, чувствуя себя разбитым, как древний старик. Сегодня ему было не до зарядки – себя бы в одну кучку собрать. На кухне возился Вилков – Гуров надеялся, что тому хоть немного удалось поспать, а если нет, так он еще молодой, выдержит.

Лев долго стоял под холодным душем, чтобы немного взбодриться, тщательно побрился, с большим раздражением глядя на темные круги под глазами, а потом отправился в кухню, откуда очень вкусно пахло. Там негромко работал телевизор, и в утреннем блоке новостей опять прошел репортаж об обыске в квартире Гурова и задержании народной артистки России Марии Строевой. Было понятно, что Турин действительно ударил во все колокола, потому что вслед за этим прошел сюжет об опросе прохожих на улицах Москвы на тему, как они относятся к произошедшему. Мнение было практически однозначным – полицейский беспредел, хотя одна женщина, явно обозленная на весь белый свет, заявила, что Строеву, конечно, жалко, а полицейские все одним миром мазаны, пусть друг другу горло перегрызут, от этого только воздух в стране чище станет.

Саша, которому ничего не нужно было объяснять, приготовил полноценный завтрак, но Гуров с трудом в себя его запихнул – аппетита не было абсолютно, а потом попросил заварить ему большую чашку настоящего кофе – силы сегодня ему требовались немалые, потому что день обещал быть очень тяжелым, а где их еще взять? Встав из-за стола, он достал с верху навесного шкафа лежавшую там с незапамятных времен пачку сигарет, хотя уже давно бросил курить. Сигареты были пересохшие и потрескивали, но Лев все равно выкурил сигарету под кофе и только потом пошел собираться – то, что Саша едет вместе с ним, подразумевалось само собой. Оглядев себя в зеркало, Гуров решил, что выглядит вполне достойно, а следы бессонной ночи сами собой пройдут на свежем воздухе, тем более что на улице похолодало.

Когда они подъехали к изолятору, оказалось, что их уже ждут. Причем не только адвокат, но и целая толпа окруживших его журналистов.

– Похоже, что Любимов настолько уверен в успехе, что заранее пригласил их, – шепнул Саша Гурову.

– Смотри не сглазь, – ответил Лев.

Михаил Яковлевич Любимов, а на самом деле Либер, был мужчиной пожилым, он следил за собой самым тщательным образом. Стройный, всегда безукоризненно одетый, аккуратно подстриженный, хотя от волос остался только редкий седой венчик вокруг обширной лысины, в очках с золотой оправой на тонком, с горбинкой носу, он производил на клиентов самое благоприятное впечатление. Услуги его стоили очень дорого, но себя оправдывали, потому что он мог повернуть в пользу подзащитного, казалось бы, даже отягчающий вину факт, а уж по части появления словно из воздуха незаявленных свидетелей ему равных не было. Оратором он был выдающимся и мог так уболтать присяжных, что они и Чикатило оправдали бы, если бы им довелось его судить. Гуров и Саша вышли из машины, а Любимов, увидев их, оставил журналистов и направился к ним. Поздоровавшись, предложил:

– Ну-с, Лев Иванович, давайте подпишем договор об оказании адвокатских услуг, и не беспокойтесь больше ни о чем. А вот подождать придется, так что наберитесь терпения.

– Вы надеетесь ее вытащить? – удивился Гуров, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал. – Но ведь сегодня воскресенье.

– Ну я же вам сказал, что беспокоиться ни о чем не надо, – укоризненно сказал адвокат.

Гуров не глядя подписал договор, оставил себе свой экземпляр, а Любимов отправился к входу в изолятор. Тут Лев, мысли которого были заняты совершенно другими вещами, дога-

дался все-таки посмотреть, во что ему обойдутся услуги Любимова, и, увидев смехотворную сумму, бросился за ним.

– Михаил Яковлевич, вы уверены, что здесь не опечатка? – сказал он, показывая на графу, где стояла сумма гонорара, причитающаяся адвокату.

– Лев Иванович, дело судебной перспективы не имеет, так что от меня требуется только вытащить вашу супругу из узилища и раздуть скандал покрупнее. Турин пригласил меня принять сегодня участие в его передаче, а за такой пиар надо платить, – объяснил тот.

Любимов скрылся в дверях, а журналисты бросились теперь к Гурову, которому пришлось, отделавшись дежурными словами «Без комментариев», скрываться от них в машине, так те и ее со всех сторон сфотографировали. Время тянулось до невозможности долго. Поймав себя на том, что смотрит на часы через каждые две минуты, Лев не выдержал и попросил:

– Саша, сходи за сигаретами, может, от них легче станет.

Видя состояние дяди, Вилкову и в голову не пришло напоминать ему о том, что тот давно бросил курить. Он просто вышел и отправился к ближайшему магазину. А Гуров, чтобы хоть немного отвлечься, включил радио, которое терпеть не мог. Трудно сказать, ожидал он это или нет, но, услышав о том, что на «Эхо Москвы» всюду обсуждается задержание его жены, он ничуть не удивился. Радовало только то, что Марию все жалели, зато в его адрес было немало едких замечаний – впрочем, аудитория у «Эхо Москвы» своеобразная, так что особо обращать на ее репортажи внимание не стоило. Главное, что шум поднялся страшный, а это давало надежду на то, что для Марии действительно все может закончиться благополучно еще сегодня. Тем временем вернулся с сигаретами Вилков, и они дружно закурили.

– Ты же не куришь! – спохватившись, воскликнул Гуров.

– От такой жизни я скоро пить начну, – на полном серьезе ответил Саша.

А в изоляторе в это время шел настоящий бой. Дежурный, уже другой, утром заступивший на смену, категорически отказывался вызвать задержанную Строеву для встречи с адвокатом.

– Без ордера не положено!

– Тогда скажите мне, за каким следователем она числится, – настойчиво интересовался Любимов.

– Да откуда я знаю? Не написано здесь ничего! – отбивался дежурный.

– То есть задержать – задержали, а кто будет вести ее дело – неизвестно! Молодой человек, – хищно поблескивая стеклами очков, вкрадчиво говорил на это Любимов. – Возле входа стоит толпа журналистов. Я сейчас выйду к ним и скажу, что Марию Строеву здесь убили. Прецеденты имели место быть неоднократно, так что это никого не удивит. Но вот личность погибшей! Как вы думаете, что после этого будет?

– Да жива она и здорова, – отбивался дежурный. – Мне по смене передали, что происшествий не было.

– Вот и дайте мне в этом убедиться, – настаивал Любимов.

Доведенный до белого каления дежурный, которому, как и его коллегам, уже не раз приходилось сталкиваться с Любимовым, решил, что лучше уж разрешить им встретиться, чем спорить. И дежурный приказал вызвать в комнату для допросов Марию.

А в ее камере в это время царил если не веселье, то нездоровое оживление. Возлежа на своей койке, Мария, прихлебывая чай, рассказывала своим соседкам о театре, о съемках, но их особенно интересовали подробности из личной жизни артистов: кто чей муж или жена, кто чей любовник, кто на ком женился или, наоборот, кто с кем развелся. Ну что сказать? Женщины остаются женщинами везде.

Тут в двери открылось окошечко и прозвучала команда:

– Строева, на выход!

Баржа тут же уточнила:

– С вещами?

– Нет! – раздался в ответ возглас.

– Ну ничего! – утешила Баржа Марию. – Больше двух суток они тебя держать не имеют права, а предъявить тебе нечего. Придется потерпеть.

Мария вышла и увидела уже другую женщину, которая уставилась на нее во все глаза и воскликнула:

– Блин! А я не верила, что тебя сюда привезли! Думала, однофамилица. Ну будет, что теперь соседкам рассказать! Нет, это надо же! Сама Мария Строева у нас сидит! Слушай, автограф дашь?

– Конечно, на чем расписаться? – согласилась Мария.

– Блин! Так ведь не на чем! – расстроилась конвоирша. – Ну ничего, как обратно тебя поведу, прихвачу что-нибудь.

И опять бесконечные коридоры и замки, но в этот раз Мария отнеслась к ним спокойнее – правильно говорят, что человек привыкает ко всему.

– Кто это тебя так отделал? – спросила по дороге конвоирша.

– Сама упала, – кратко ответила Мария.

– Ага! – хмыкнула та. – Клякса небось. Любит она руки распускать. Ох, и отольется ей это когда-нибудь. И чего-то мне кажется, что очень скоро – Гуров не спустит, что на тебя руку подняли.

– Он никогда не ударит женщину, – возразила Мария.

– Он-то? Да, он чистодел, никогда в жизни задержанного на допросе не ударил. Так другие найдутся. Он у наших постояльцев в большом авторитете, и должников у него много.

Мария думала, что ее ведут на допрос, но, когда увидела Любимова – а кто в Москве его знает? – почувствовала такое облегчение, что чуть не расплакалась. А вот он при виде ее назревающего синяка, как и говорила Баржа, вполлица, только с удрученным видом покачал головой и сказал:

– Машенька! Вы разрешите мне так к вам обращаться? – Она только кивнула. – Как я понимаю, этим не ограничилось?

– Да, еще на боку, – ответила она и показала рукой, где именно.

– Сознание когда-нибудь терять приходилось? – поинтересовался Михаил Яковлевич.

– Этой ночью, – грустно ответила женщина.

– А теперь его вам предстоит потерять всерьез и надолго. Вы актриса, должны это уметь. И в себя придете только тогда, когда я скажу. Ну, начинайте и ни о чем больше не беспокойтесь. Обещаю, что эту ночь вы проведете уже в другом, более комфортабельном месте, – пообещал он.

– Правда? – вскинулась Мария и вдруг, побледнев, стала валиться со стула набок.

– Что с вами? – вскочив с места и бросаясь к ней, воскликнул Любимов, но перед этим нажал на кнопку вызова конвоира.

Когда тот заглянул в комнату, адвокат крикнул ему:

– Да помоги же! Я ее один не удержу!

Совместными усилиями они положили Марию на пол, и конвоир бросился вызывать врача. Суматоха началась страшная. Прибежал дежурный ИВС и предложил побрызгать на Марию водой – вдруг очнется? Пришедший неспешной походкой врач, которого тут же беспощадно обругал дежурный за медлительность, увидев, кто лежит без сознания на полу, сначала обалдел, а потом растерянно спросил:

– Что с ней?

– Кто из нас врач? Вы или я? – тут же напустился на него Любимов. – Если вашей квалификации не хватает на то, чтобы в этом разобраться, давайте вызывать «Скорую помощь».

Хотя... Когда она еще приедет? Лучше уж частных. Какая клиника здесь поблизости? «Эскулап»? Значит, туда и позвоним!

Он так взял всех в оборот, что люди не успевали даже слово вставить. Врач ИВС, решившись – все-таки не кто-нибудь, а сама Строева перед ним лежала, – осторожно похлопал ее по щекам, но голова Марии безвольно болталась из стороны в сторону, и никаких признаков жизни она не подавала. Частники – на то они и частники – приехали удивительно быстро. Врач ощупал голову Марии, посмотрел в глаза, задрал куртку спортивного костюма и футболку, только покачал головой при виде внушительного синяка на боку и вынес свое решение:

– Ее жесточайшим образом избили. Сотрясение мозга у нее точно есть и не могу исключать разрыв какого-то из внутренних органов, о чем говорит бледность кожных покровов. Необходима немедленная госпитализация! Где носилки?

– Но не могу же я ее вот так взять и выпустить, – заорал дежурный.

– Знаете, у нас вызов прошел официально! – раздраженно сказал врач частной «Скорой помощи». – Мы обязаны докладывать о таких случаях в полицию. Написать расписку о том, что она отказывается от госпитализации, больная не в состоянии. Значит, пишете ее вы нам для отчета, что это вы больную не отдали! Если она у вас тут умрет, то вы и будете отвечать! По делу Магницкого со скольких людей тогда погоны сняли? Будете следующими! Только о Магницком до всей этой истории мало кто знал. А тут сама Мария Строева, которую в ИВС насмерть забили! Так что уж решайте, что вам важнее, а то счет, можно сказать, на минуты идет.

– Да забирайте вы ее к чертовой матери! – заорал дежурный. – Только документ мне оставьте, что вы ее забрали и куда повезете.

– Конечно! И расписку напишем, и адрес укажем – к нам же в «Эскулап» и повезем, – пообещал врач.

Пока Марию, по-прежнему в бессознательном состоянии, грузили на носилки, врач написал все необходимые документы, расписался в получении, и все двинулись к выходу.

А на улице тем временем Гуров, увидевший подъехавшую «Скорую помощь», уже не знал, что и думать. Бросившиеся к ней журналисты, видимо, не получили вразумительного ответа и отошли от машины. Тогда Гуров, плюнув на то, что журналисты все еще не оставили своих намерений с ним пообщаться, тоже подошел к машине, но услышал от водителя только то, что был вызов из ИВС, где заключенной стало плохо, а больше он ничего не знал. Возвращаться в машину Лев не стал, а направился прямо в изолятор – ждать больше он не мог. Увидев, что внутри все старательно отводили взгляды, он, не в силах больше сдерживаться, заорал:

– Что с моей женой?

Ответом ему была тишина. Предположив самое худшее, он обессиленно прислонился к стене – ноги его не держали. Наконец появился дежурный и, отводя глаза, попросил его:

– Выйдите, пожалуйста, сейчас выносить будут.

– Кого? – заорал Лев, хватая дежурного за грудки.

– Выйдите, я сказал! – заорал в ответ тот. – Или мне конвойных вызывать? Это же нападение на сотрудника при исполнении!

Гуров вышел на улицу и, когда из дверей появились несущие носилки санитары, сразу отметил, что несут они кого-то головой вперед, да и лицо не закрыто – значит, не покойник. Но когда он рассмотрел, что это лежала без сознания Мария, земля ушла у него из-под ног. Он бросился к ней, а уж журналисты рванули к носилкам, как стервятники на падаль. Защелкали фотоаппараты, раздались голоса:

– Лицо крупно бери, чтобы синяк было хорошо видно!

– Рукуними, смотри, как безвольно висит!

– Дай общий план, чтобы Любимов и Гуров попали!

Взбешенный Лев не выдержал и взревел:

– Да имейте же вы совесть!

Но это был глас вопиющего в пустыне. Грубо растолкав журналистов, он спросил врача:

– Что с ней?

– А вы кто?

– Я ее муж, – ответил Гуров – то, что сейчас вокруг стояли алчущие сенсации журналисты, его уже не волновало.

Врач повторил ему слово в слово то, что недавно говорил в изоляторе и добавил:

– Мы ее сейчас обследуем, сделаем УЗИ, и если в брюшной полости окажется кровь, то будем немедленно оперировать. Если же, бог даст, обошлось без разрывов, а просто отбиты внутренности, то сразу же в реанимацию. Но в обоих случаях можете не торопиться – вас к ней пока не пустят. А за подробностями – вот, – он протянул Гурову свою визитку.

«Скорая» уехала, а Лев остался стоять, глядя ей вслед – он был просто не в состоянии сесть сейчас за руль. А рядом с ним перед ловившими каждое его слово журналистами выступал Любимов:

– То, что случилось с Марией Строевой, вы все сейчас сами слышали от врача. Как случилось, предстоит разбираться. Либо имел место запрещенный законом ночной допрос с применением недозволённых способов его ведения, либо, чего я тоже не исключаю, задержанная – человек законопослушный и ни в каких правонарушениях ранее не замеченный – вопреки правилам ИВС была помещена в одну камеру с лицами, имеющими богатое уголовное прошлое и соответствующие склонности, где подверглась столь грубому насилию. В любом случае, как только будет получено медицинское заключение о состоянии ее здоровья, а это, я полагаю, произойдет в самое ближайшее время, я подам жалобу прокурору. Если уж подобное могло произойти со всенародной любимицей Марией Строевой, чей муж полковник полиции Лев Гуров является образцом честного полицейского, то страшно подумать, что творят за этими стенами с людьми, за которых некому заступиться. А теперь извините, мне надо ехать в клинику, чтобы получить медицинское заключение. Рекомендую всем посмотреть сегодня передачу Александра Турина, которая будет посвящена именно этому случаю и где я сообщу все подробности этого дела и свое видение ситуации.

Гуров уже пришел в себя настолько, что не боялся вести машину, и собрался немедленно ехать в клинику, чтобы сразу же узнать, как себя чувствует Мария. Но тут журналисты бросились к нему, но вот спросить о чем-нибудь решились не сразу – видимо, до того страшное у него было лицо. Наконец один из сопляков отважился и спросил:

– Господин полковник! Что вы собираетесь предпринять?

– Я клянусь, что найду тех, кто стоит за этой провокацией, – спокойно произнес Лев.

– А дальше?

– А дальше будет видно, – неопределенно ответил Гуров и сел в машину.

В клинике его без звука пропустили в приемное отделение, где уже находился Любимов.

– Врач еще не выходил? – спросил Лев адвоката.

– А чего нам ждать? Мы сами к нему пройдем, – спокойно сказал Михаил Яковлевич.

Надев халаты и бахилы, они оставили Вилкова внизу и отправились наверх. Любимов уверенно вел Гурова по коридорам, пока они не приблизились к одной из палат в самом конце коридора. Адвокат по-хозяйски открыл дверь, и они вошли. Это был «люкс», потому что они сначала попали во что-то вроде гостиной, из которой дверь вела в другую комнату. Там на кровати без сознания лежала Мария, но ни капельницы, ни каких-либо медицинских приборов возле нее не было.

– Машенька, – ласково сказал Любимов. – Все кончилось, можете открывать глаза.

Мария тут же очнулась, посмотрела на них и, увидев мужа, облегченно вздохнула – все самое страшное действительно осталось позади. Гуров же, хотя и испытал невероятное облег-

чение от того, что с женой все в порядке, тут же повернулся к адвокату, чтобы высказать ему все, что накипело на душе, но тот мягко остановил его:

– Лев Иванович! Вы великий сыщик! Это не комплимент – это констатация факта. Но актер вы никудышный, а мне надо было, чтобы для журналистов все выглядело максимально правдоподобно. Подумайте сами, ну как бы я еще мог вытащить вашу жену из изолятора в воскресенье? Только в больницу.

– Значит, вы все приготовили заранее? – уже довольно спокойно спросил Гуров.

– Как только услышал, что вашу жену посадили к уголовницам, – подтвердил Любимов. – Порядки в этом изоляторе мне хорошо известны, так что предвидеть развитие событий было несложно. Владелец этой клиники мне кое-чем обязан, так что организовать все это было делом нескольких минут. Они и заключение напишут какое надо, и находиться здесь Мария будет столько, сколько нужно. И глаз ей подлечат, и рентген сделают, а то, не приведи господи, окажется, что ребро сломано, и УЗИ на всякий случай тоже, и соответствующее оборудование, чтобы все выглядело достоверно, сюда скоро привезут. А, поскольку эта палата реанимации для VIP-персон, то посторонних сюда не пустят ни под каким видом. Только вот за палату вам придется платить, но я договорюсь о скидке.

– Маша, ты действительно себя хорошо чувствуешь? – спросил Гуров.

– Лева, со мной все хорошо, – успокоила Льва супруга. – Бок, конечно, болит, но я надеюсь, ничего серьезного.

– Кто тебя избил? – жестко спросил Лев.

– Это была случайность, а потом они меня узнали, почувствовали себя страшно виноватыми, и все было уже нормально, – уклончиво ответила Мария.

– Машенька! Не обольщайтесь на свой счет, – усмехнулся адвокат. – Они таких, как вы, на зоне видели-перевидели и обращались с ними без особого почтения. Уж вы мне поверьте! Вы для них не известная актриса, а жена полковника Гурова! Потому-то они и стали с вами так любезны, что предвидели, какие их ждут последствия, если вы пострадаете. Потому что Гуров для уголовников – фигура очень уважаемая, а актрис, пусть даже и очень известных, много. И не надо на меня обижаться – глупо обижаться на правду.

Мария от этих слов сначала растерялась, а вот потом действительно всерьез обиделась – она-то считала, что сама является настолько известным и уважаемым человеком, что именно это остановило уголовниц, а оказывается, дело не в ней, а в ее муже. Но ей хватило ума не подать виду, а просто попросить Любимова оставить ее с Гуровым наедине. Адвокат безропотно вышел, сказав, что пойдет к врачу за медицинским заключением, и они остались одни.

– Маша, так кто тебя избил? – снова спросил Лев.

– Неважно, – уже из чистого упрямства ответила она.

– Ладно! Сам разберусь, – пообещал Гуров.

– Да что ты все о ерунде, – отмахнулась супруга. – Важно другое.

Она поманила мужа к себе, и он, сев на край кровати, наклонился к ней.

– Лева! Колье было! – прошептала она.

Едва сдержав рвущийся наружу крик ярости, Гуров с трудом взял себя в руки и ровным голосом попросил, чтобы она рассказывала дальше.

– Понимаешь, Лева, я от тебя и Стаса с Петром тогда получила столько втыков по поводу подарков, что стала даже на букеты смотреть с подозрением. А тут этот совершенно незнакомый мужчина с корзиной желтых роз. И одет вроде бы прилично, и вид у него был самый восторженный, но вот... – она подбирала слова. – Понимаешь, я актриса, я на сцене у партнера, как бы старательно он ни играл, фальшь мигом чувствую. А этот человек... Он тоже играл! И восторженность, и почитание. Не знаю, как выразить, но глаза у него были... Короче, он мне не понравился. Я ему, конечно, улыбалась, но вот когда все разошлись, я решила посмотреть, что это за цветы такие.

– Зачем? – чуть не застонал Лев. – Нужно было немедленно позвонить мне!

– А если бы оказалось, что там ничего нет? – возразила она. – Кем бы я тогда выглядела? Параноиком? Или как там? Параноичкой?

– Маша! – уже не сдержавшись, простонал Лев. – В таких случаях лучше перебдеть, чем недобдеть! Ладно! Сделанного не воротишь! Что дальше?

– Я надела перчатки и покопалась в корзине, а там на дне оказался обычный файл для бумаг, а в нем колье и записка: «Носи на здоровье. Санька Рыжий», – продолжала шепотом Мария. – Мне Баржа в камере сказала, что это кличка какого-то Александра.

– Что ты с этим сделала? – сдавленным голосом спросил Гуров, который в этот момент, как никто, понимал мужей, убивавших своих жен в состоянии аффекта, он даже руки между колен зажал, чтобы побороть искушение.

– Я поняла, что это вовсе не подарок мне, а подстава против тебя. Мне Баржа все объяснила, – сказала Мария и передала супругу рассуждения уголовницы.

– Не лишено логики, – вынужден был согласиться Лев. – Где оно?

– Я его в гримерке спрятала.

– Зачем? – чуть не взвыл Гуров.

– Как зачем? – возмутилась она. – Это же улики! И ты, потянув за эту ниточку, найдешь того, кто хотел тебя подставить!

– Маша! Так твою гримерку, наверное, уже всю по камешку разнесли и нашли его! – чуть не заорал Лев. – Ты сама себе срок намотала!

– Фигушки! – торжествующе сказала Мария. – Слушай! До меня эта гримерка принадлежала Парамоновым. Мужу и жене. Парамонов был гениальным артистом, но пил. Бывало, что начинал спектакль трезвым, а к концу был уже никакой, еле слова выговаривал. Жена его перед выходом из дома обыскивала, вплоть до трусов – спиртного не было. Главреж гримерку только что с собаками не проверял – не находил спиртного, а Парамонов напивался. Так и пришлось ему уйти, и его жене тоже, потому что только ради него ее и держали. Вот он, узнав, что гримерка отойдет мне, и рассказал про тайник, где он водку держал. Помнишь, у меня там, в нише, стоит старинный шкаф?

– Помню такой, – с трудом пробормотал Гуров, потому что желание немедленно придушить супругу стало уже нестерпимым.

– Он до того тяжелый, что его даже во время ремонта с места не трогали, – заговорщицки шептала Мария. – У него по всем бокам что-то вроде столбиков, у которых наверху такие большие шишечки. Так вот, правая задняя отвинчивается, а столбик этот внутри полый. Если шишечку отвинтить, то внутри, через два-три сантиметра, есть то ли гвоздь, то ли шуруп, а к нему привязана леска, а уже к ней – авоська. Помнишь такие, синтетические, плетеные? Парамонов в ней водку держал, а я в нее файл с колье положила.

– Маша, если гримерку обыскивали с металлоискателем, а это наверняка так и было, то его уже нашли, – уверенно заявил Лев. – Что ты еще натворила?

Расстроенная Мария пожала плечами.

– Да, как уже и говорила, – вынесла часть цветов и эту корзину в коридор, остальные взяла с собой и поехала домой.

– А Турина зачем вызвала?

– На всякий случай, чтобы свидетели были, да не просто кто-то со стороны, а телевизионщики, которые могут шум поднять.

Гуров сидел и молчал, думая, что можно предпринять в такой ситуации, а жена обиженно смотрела на него и не понимала, что происходит. Она считала, что Лев должен был сейчас суетиться вокруг нее, так жестоко избитой, утешать и говорить ласковые слова, а он вместо этого ведет себя как чурбан бесчувственный. «Ничего! – решила она. – Я ему это еще припомню!»

И, приняв оскорбленный вид, гордо молчала. Тем временем раздался стук в дверь, и, когда Гуров отозвался, появился Любимов.

– Ну вот! – сказал он, потрясая каким-то бланком с печатью и множеством подписей. – Все и сделано! Пациентка Строева госпитализирована в эту клинику, где была освидетельствована на предмет побоев – наличествуют, как и трещина в ребре...

– Так, мне же еще рентген не делали? – удивилась Мария.

– А что? Здесь мало других снимков? – усмехнулся адвокат и продолжил: – Зафиксировано также сотрясение головного мозга и внутренняя травма правой почки, о чем свидетельствует УЗИ. После того, как я озвучу сегодня по телевизору это заключение, не думаю, что какой-нибудь следователь решится явиться сюда, чтобы провести допрос. А если и явится, то его не пустят. Ну что? Звучит? – Он потряс листком.

– Звучит, – безрадостно пробормотал Лев.

Он мысленно проклинал Марию за ее неорганизованную самодеятельность самыми страшными проклятиями – вот до чего ему пришлось дойти! Прямая подтасовка фактов! Фальшивое медицинское заключение! И это все происходит с ним, полковником Гуровым! И ведь деваться некуда, а то Мария вернется в ИВС! Если колье, на что он особо не надеялся, все-таки не нашли, то для нее все еще может обойтись, но если его нашли?! Тогда уже не задержание, а арест с предъявлением обвинений, и ей прямая дорога в СИЗО! Последствия даже трудно себе представить! А эта идиотка лежит с оскорбленным видом, словно поруганная невинность!

– Ладно! – сказал Лев, поднимаясь. – Михаил Яковлевич, не мне вас учить, что надо делать. Скажите только, можно организовать так, чтобы в соседней комнате постоянно находился наш родственник? Он и желающих пообщаться со всенародно любимой артисткой, – язвительно произнес он, – отвадит, и предупредит ее, если кто-то из незнакомых врачей придет, а то она уже решила, что все кончилось, а на самом деле все еще только начинается! А уж изобразить смертельно больную Мария сможет!

– Любой каприз за ваши деньги, – сказал адвокат, переводя внимательный взгляд с Гурова на его отвернувшуюся к стене жену. – Я сейчас скажу, и ему постель принесут, чтобы здесь на диване спал, да и кормить будут. Но, Лев Иванович, вы уверены, что я знаю все, что мне положено знать?

– Михаил Яковлевич! Я с вами предварительно созвонюсь и договорюсь о времени, когда привезу деньги, – начал Лев, но Любимов перебил его:

– Если это единственный повод для нашей встречи, то не утруждайтесь – деньги может принять мой секретарь. Он и квитанцию выдаст.

– Я пока еще ничего не знаю, – обтекаемо ответил Гуров и перевел разговор на другую тему: – Скажите, здесь банкомат есть? Мне же нужно оплатить пребывание жены в клинике.

– Банкомат есть, и я договорился о скидке в двадцать пять процентов для вас – поверьте, это максимум. Но раз здесь будет находиться еще один человек, сумма, естественно, увеличится. Пойдемте, я вас провожу и заодно договорюсь о вашем родственнике.

– Идите, я вас догоню, – сказал Гуров и, когда адвокат вышел, неприязненно произнес: – Ну, Маша, болей дальше!

– Это все, что ты можешь мне сказать? – возмутилась она.

– Маша! Ты по собственной дурости заварила такую крутую кашу, что и оглоблей не провернешь! – взорвался он. – А расхлебывать ее мне! И я пока даже представления не имею, как это делать!

Он вышел, с трудом удержавшись от того, чтобы не хлопнуть дверью, а Мария осталась совершенно растерянная, потому что чего-чего, а такого она от мужа не ожидала – она же хотела как лучше.

Гуров нашел Любимова в коридоре, где тот, отведя его к окну, жестко сказал:

– Лев Иванович! Судя по всему, вы ко мне напрасно обратились. Я не люблю, когда клиенты мне не доверяют, потому что не привык выглядеть дураком. А вы, как я понял, решили использовать меня втемную.

– Михаил Яковлевич, – подумав, сказал Гуров. – На данном этапе я не обладаю всей полнотой информации, но твердо обещаю вам, что, если дело дойдет до горячего, я буду с вами предельно откровенен. А уж она, – он кивнул в сторону палаты Марии, – тем более.

– Значит, не все в этом деле так просто, – с понимающим видом кивнул Любимов.

– А что в нашей жизни просто? – безрадостно ответил Гуров.

Больше они к этой теме не возвращались. Гуров решил оплатить пребывание Марии и Саши в клинике пока только за неделю, надеясь, что за это время он успеет разобраться в ситуации, но даже со скидкой это вылилось для него в такую сумму, что он чуть не выругался. Но деваться было некуда, и он заплатил. Безмолвно простоявший рядом с ним все это время Вилков не выдержал и спросил:

– Дядя Лева! Что происходит?

– Саша! Ты остаешься в больнице с Марией, а с твоим отсутствием на работе я все сам решу, – сообщил племяннику Гуров.

– С тетей Машей так плохо? – с ужасом воскликнул Вилков, и все, кто был рядом, повернулись к ним.

– Да! – соврал Гуров. – Очень! Я, ты сам понимаешь, дежурить возле нее не могу, так что придется тебе.

Потом он отвел Сашу в дальний угол, где и объяснил, как на самом деле обстоят дела и что тому нужно будет делать.

– Самое главное, чтобы никто из посторонних Марию не увидел, особенно журналисты. Чтобы окна и в ее комнате, и в твоей были постоянно закрыты, а шторы задернуты, а то эти проныры везде пролезут. Стой насмерть! Разрешаю применить силу, но в разумных пределах! – предупредил он Вилкова, и тот, немного успокоенный, в знак согласия кивнул. – В случае какой-нибудь нештатной ситуации звони мне, в любое время! А я попозже привезу тебе из дома все необходимое – ключ у меня есть. Ну, ступай!

Любимов отправился готовиться к передаче Турина, чтобы предстать там во всем блеске, а Лев поехал домой – ему нужно было сесть и спокойно обдумать все, что произошло. Решать, что делать дальше, было бесполезно – все зависело от того, нашли или не нашли кольцо. Знакомых в управлении собственной безопасности у Льва не было, зато врагов хватало, значит, нужно было подключать Орлова или Крячко. Лучше последнего – у этого пройдохи везде были приятели.

Гуров достал телефон, чтобы позвонить Петру – он был уверен, что и Стас сидит там, чтобы не терять время на созвоны и переезды, если им придется мгновенно бросаться Льву и Марии на помощь, как он сам всегда бросался на помощь им, если требовалось, и только тут обнаружил, сотовый выключен. Ну естественно! Он же сам это сделал перед выходом из дома, чтобы ничего не отвлекало. Оказалось, что у него множество пропущенных звонков, были и с незнакомых номеров. Но он не стал разбираться, где чей, и позвонил Петру. Тот его для начала беспощадно обругал – неудивительно, они же там издергались от неизвестности – и только потом спросил:

– Что с Машей? А то тут в новостях такие ужасы показывают, что моя жена уже весь корвалол выпила.

– Все под контролем, а подробности завтра, – кратко ответил Гуров. – У меня самого пока информации практически никакой.

– Надеешься за сегодняшний день чего-нибудь раздобыть?

– Надеюсь вычислить, – поправил генерала Лев. – И еще! В ближайшее время Сашки на работе не будет – он возле Маши дежурит.

– Не проблема, оформим ему отгулы за переработку, – успокоил приятеля Орлов. – Ты сам держись!

– Вы тоже пока расслабьтесь, не жгите нервы – они нам еще понадобятся, – посоветовал Лев.

– Зная тебя, кто бы в этом сомневался, – хмыкнул в ответ Петр.

Гуров отключил телефон, и тот тут же зазвонил снова, а потом пошли звонки со всей страны. Звонили как простые обыватели, так и люди высокопоставленные, но их всех объединяло то, что всем им Лев когда-то помог. И хотя он теперь не вспомнил бы лица и имена многих из них, но вот они его не забыли. Все они были возмущены тем, что случилось с его семьей, и все, как один, спрашивали, чем могут помочь. Гуров благодарил всех за участие и предложение помощи и обещал в случае нужды позвонить. Звонили и коллеги из других регионов, даже некоторые очень авторитетные уголовники, действительно уважавшие Льва за честность и порядочность, предложили свою помощь, потому что не любили беспредел. Позвонил даже заместитель министра МВД Андрей Сергеевич, которого Гуров с друзьями за глаза звали Рыбовод из-за стоявшего у него в кабинете большого аквариума. Он был краток:

– Гуров! Та история, что закрутилась вокруг твоей семьи, кажется мне очень подозрительной, и я возьму ее под личный контроль. Если это подстава, то виновные понесут наказание, независимо от должностей и званий. Но, предупреждаю, если выяснится, что ты или твоя жена в чем-то виноваты, выгораживать не буду. Получите сполна в части и пропорции, каждого касаемой!

«Вот тебе и Рыбовод! – невесело подумал Гуров. – Когда дело касалось его семьи, то он готов был закрыть глаза на все, что угодно, а тут!.. Принципиальным стал! Да таким, что металл в голосе звенел! Словно на публику работал! – И тут до него дошло: – Черт! Да он же действительно работал на публику! Значит, мой телефон прослушивается! То есть Андрей Сергеевич мне дал понять, что я могу рассчитывать на его защиту, а остальным – что беспристрастен до невозможности! Да уж! Годы аппаратных игр для него даром не прошли! Дипломат!»

За всеми этими разговорами Гуров успел уже доехать до дома и даже подняться в квартиру. До четырех часов оставалось совсем немного времени, только-только, чтобы быстренько сготовить себе чего-нибудь поесть, а потом сесть к телевизору. А телефонные звонки между тем продолжали идти, и он просто отключил телефон, потому что передача началась.

Все эти ток-шоу Лев терпеть не мог, хотя однажды вынужденно принял участие в одном из них исключительно ради спасения девушки. Но сейчас был особый случай – он не сомневался, что Турин пригласит в студию коллег Марии, из рассказов которых он сможет понять, нашли ли в театре что-нибудь во время обыска (а в том, что он проводился, Лев был уверен на сто процентов) или нет – это являлось для Гурова сейчас самым важным.

Студия была заполнена так, что люди даже стояли за последним рядом кресел и в проходах. Гуров увидел среди приглашенных не только маститых деятелей культуры, но и многих коллег Марии по театру, а вот представителей управления собственной безопасности, да и вообще кого-то из полиции не наблюдалось. Турин начал с демонстрации полной записи обыска в квартире Гурова, комментируя его со свойственной ему язвительностью. Потом последовали съемки, сделанные журналистами возле изолятора, когда Марию забирала «Скорая помощь». Увидев со стороны свое окаменевшее от горя лицо, а потом горящие гневом глаза, Гуров сам себя испугался – да, его вид был по-настоящему страшен. Но вот взял слово Любимов, давший правовую оценку действиям полиции, а также очень эмоционально описавший плачевное состояние здоровья Строевой, которая сейчас находится в частной клинике буквально между жизнью и смертью. Услышав это, Лев не смог сдержать кривую ухмылку – ну да! Она натворила дел и теперь там отлеживается, а он должен крутиться, как уж под вилами, чтобы найти выход из положения. Далее, как Гуров и предполагал, начали выступать коллеги Марии. Он слушал и не верил своим ушам: оказывается, полицейские, составив список всех,

кто находился в тот вечер в театре, направились с обысками по адресам в поисках корзины с желтыми розами прямо ночью, поднимая людей с постели.

– Господи! Какой позор! Да еще и соседей понятыми пригласили! Теперь хоть из этого дома уезжай! – говорила, заламывая руки, одна из коллег Марии. – Да будь проклята эта корзина! Я больше даже на сцене ни от кого ни одного цветочка не возьму! Да, Мария, как обычно, выставила лишние цветы в коридор и уехала. Она всегда так делает. Розы были очень красивые, и мы с Наташей, – она повернулась в сторону сидевшей рядом с ней женщины, которая, соглашаясь, кивнула головой, – поделили их поровну, только она свою часть в пакет положила, а я свою в корзине оставила. Приехала домой, цветы поставила в вазу, а корзину – на балкон. Да не было там ничего! Пустая она была! Так они мне не поверили! Все квартиру вверх дном перевернули! Хорошо, что еще не арестовали, как Марию! А то я сейчас, уголовницами избитая, тоже в больнице лежала бы! Только я не Строева! Меня бы в частную клинику никто не взял, в тюремной бы валялась, пока не умерла!

Выступления остальных людей мало чем отличались от этого и по содержанию, и по накалу страстей. Потом взял слово директор театра, которого тоже подняли с постели и заставили поехать на работу.

– Вы представляете, – нервно говорил он. – Они обыскивали театр с металлоискателями! Хотя бы они сказали, что конкретно ищут, но они же ничего не объяснили. Сунули мне под нос какую-то бумагу с печатью, сказали, что это ордер на обыск, и принялись крушить все, до чего только могли достать! Чтобы привести теперь все в порядок, потребуется как минимум неделя, а у нас спектакли! Как всегда аншлаги! Билеты проданы! Наша прима лежит в больнице и неизвестно когда выйдет, а ведь зритель идет в первую очередь на Строеву! Что мы должны говорить людям?

– Но они хоть что-нибудь нашли? Если они что-то изъяли, то должны были предъявить вам это, – спросил Любимов.

– В том-то и дело, что они ничего не нашли! – воскликнул директор театра. – Мне они, во всяком случае, ничего не сказали и не показали!

Из раздавшихся в студии криков других сотрудников театра стало понятно, что проводившие обыск полицейские действительно ничего не нашли. Тут слово снова взял Любимов:

– Уважаемые дамы и господа! Насколько я могу судить, мы имеем дело с откровенным проявлением полицейского беспредела. Как это ни прискорбно, но аналогия с 1937 годом напрашивается сама собой. Судите сами: те же ночные обыски и допросы, то же бесцеремонное попрание закрепленных Конституцией за гражданином Российской Федерации прав и свобод человека, полнейшее презрение ко всем нормам Уголовно-процессуального кодекса и законам, регламентирующим деятельность Министерства внутренних дел. Что это? Проявление самодурства одного отдельно взятого высокопоставленного чиновника, которого почему-то никто не может обуздать? Да нет! Силы воли и полноты полномочий у власть предержащих достаточно, чтобы дать ему по рукам и поставить на место. Значит, не хотят! А, может быть, на примере известного своей честностью и принципиальностью полковника Гурова и его жены, народной артистки России Марии Строевой, власти хотят посмотреть, как народ отреагирует на эту откровенную травлю? Ничем не обоснованное преследование? Вдруг прокатит, как сейчас принято говорить? И тогда можно будет повторить это же с другими людьми? А там и в систему войдет? Массовые репрессии, аресты и расстрелы 1937 года явились продолжением практиковавшихся намного раньше отдельных судебных процессов над отдельно взятыми людьми. Потом власти вошли во вкус, и страна была залита кровью. А ведь начиналось-то тоже с малого.

Любимов продолжал витийствовать, заводя аудиторию, и Гуров выключил телевизор – остальное было ему неинтересно. Перед ним встал один-единственный вопрос: почему в театре ничего не нашли? Почему? Как использовавшие металлоискатель полицейские не смогли

найти золотую вещь, не укладывалось у него в голове. Гуров снова включил телефон и так, с ним в руках, разговаривая на ходу с продолжавшими звонить людьми, отправился домой к Вилкову. Там он собрал в сумку самые необходимые тому в больнице вещи и поехал в клинику. После всего, что произошло, видеть Марию ему не хотелось категорически: то, что у нее не ума палата, он знал всегда, но считал, что даже ее глупость имеет предел. Выходит, ошибался!

Дверь в палату была заперта, и Гуров сначала встревожился – вдруг и Сашу, и Марию задержали, теперь уже обоих, и они в изоляторе. Как теперь их вытаскивать?

– Твою мать! – не сдержался он. – Этого мне только не хватало!

Но оказалось, что волновался он зря, потому что из-за двери тут же раздался голос Саши:

– Кто?

– Фу ты, черт! – с облегчением выдохнул Лев. – Да я это! Гуров!

Дверь открылась, но все же не полностью, и в щели показался глаз племянника. Увидев, что это действительно его дядя Лева, парень открыл дверь и буквально втянул того внутрь.

– Что, осаждают? – спросил Гуров.

– Со стороны улицы прямо к окну люлька подъемника подъезжала, а в ней парень с камерой – я занавеску чуть-чуть раздвинул и посмотрел, – доложил Саша. – Потом какая-то девица в медицинской форме упорно рвалась проверить, как чувствует себя больная, все норовила мимо меня проскочить – пришлось применить силу. Эх, и ругалась! – вздохнул он. – Мы с врачом и медсестрой договорились об условном стуке. Если его нет, то я просто стою возле двери и слушаю, что за нею происходит. А еду сюда нам на столике привозят, я открываю и закатываю его внутрь, а потом с грязной посудой обратно в коридор выкатываю и возле двери оставляю.словно на осадном положении.

– Не словно, а действительно на осадном, – поправил родственника Гуров. – Крепись, Саша! Твоя тетка дел наворотила, тебе и страдать!

Конечно, Вилков мог бы возразить на это, что племянником, тем более троюродным, он приходится все-таки Гурову, а не его жене, но решил промолчать – дяде Лева и так плохо. Лев отдал ему вещи и собирался уже уйти, когда Саша кивком указал ему на дверь в комнату Марии, словно спрашивая, не хочет ли Лев зайти туда, чтобы поговорить с женой, на что тот покачал головой:

– Ни малейшего желанья!

Дома Гуров попытался хоть немного навести порядок, но не столько возвращал вещи на привычные места, сколько распахивал их по шкафам, чтобы не валялись где попало, думая лишь об одном: куда могло деться кольцо?

Понедельник

Первое, что утром сделал Лев, он позвонил Вилкову и поинтересовался самочувствием Марии. И сделал он это не потому, что действительно беспокоился – волноваться-то было не о чем, а потому, что так полагалось по легенде. Как они и договаривались, Саша ответил ему, что без изменений, а вот происшествия были – журналюги никак не хотели угомониться и пытались пролезть во все щели. Посочувствовав племяннику и посоветовав держаться, Гуров стал собираться на работу. Костюм он себе еще с вечера приготовил, так что много времени сборы не заняли, пара бутербродов с бокалом чая – тем более. О своей обычной утренней гимнастике Лев договорился сам с собой не вспоминать – не то у него было состояние, чтобы еще и ею себя истязать, мыслей хватало.

Он ехал на работу и знать не знал, что перед хозяином одного высокого кабинета сейчас лежит распечатка всех его телефонных разговоров. Просмотрев список звонивших, хозяин кабинета, генерал, прочистил горло, отпил минералки и, ослабив галстук, крепко призадумался: а стоила ли та полученная им от Егорова весьма внушительная сумма того, чтобы нарываться на крупные неприятности с непредсказуемыми лично для него последствиями? Не стоит ли прямо сейчас пойти и заложить всех до единого, потому что повинную голову и меч не сечет? Но, поразмыслив, решил, что, в случае чего, он еще успеет отыграть ситуацию назад или, по крайней мере, исправить положение настолько, чтобы обойтись минимальными потерями. И тут ему вдруг вспомнились его друзья по школе милиции, по юридическому институту, по тем давним уже временам, когда он зеленым лейтенантом еще только начинал свою службу в милиции. А ведь это были настоящие друзья, которые и перед начальством его выгораживали, если оплошает, и спину прикрывали. Только вот, поднимаясь все выше и выше по карьерной лестнице, он их отсеивал, оставлял внизу – не по чину и званию ему стали такие друзья, и они ушли. А их место начали занимать нужные люди, для которых он тоже был просто необходим. И, потеряй он сейчас свое положение или если оно просто станет шатким, никто его выручать не кинется. Все, кто сейчас рядом, сразу отхлынут, словно море при отливе, и номер телефона забудут, и здороваться перестанут – он же больше не будет нужным. А вот настоящих друзей, для которых звания, чины и награды ничего не значат, у него уже не осталось. И генерал, взбесившись на неведомого ему Гурова, едва удержался, чтобы не разорвать лежавшие перед ним распечатки на мелкие клочки. Ну почему какому-то полковнику, когда тот попал в беду, люди со всей страны, причем многие из очень непростых, помощь предлагают? Чем этот полковник лучше него? И генерал решил, что утопит Гурова в дерьме по самую маковку! Виноват тот или нет – плевать! Но утопит, и все!

– Как Маша? – спросил Крячко, едва Гуров зашел в их с сослуживцем кабинет.

– Без изменений, – кратко ответил Лев. – А Сашка уже устал журналюг гонять.

– Ну ни стыда ни совести у людей нет! – возмутился Стас.

– У них теперь вместо этого доллары и евро существуют, – поддержал приятеля Лев и занялся делом.

Предвидя все возможные последствия, он достал из шкафа валявшийся там с незапамятных времен старый портфель и стал складывать в него из сейфа все, что могло ему пригодиться. Поняв смысл его действий, Крячко разразился таким матом-перематом, что Лев не выдержал и поморщился – сам он ругался только в крайнем случае, да и слушать что ругань, что «блатную музыку», хотя служба и заставила его изучить ее досконально, не любил. Закончив, он написал записку и подsunул ее под нос Стасу. Там было написано, чтобы тот вынес портфель за пределы здания, а Гуров его потом заберет. Крячко в знак согласия кивнул и поставил портфель возле своего стола, а Лев сунул записку в карман, решив, что сожжет ее, когда выйдет покурить. В

здании это было делать строжайше запрещено, но ведь все равно курили на лестничной площадке, приспособив под пепельницу большую банку из-под кофе.

Не успел Гуров сесть на место, как в кабинет вошел Степан Николаевич Савельев. Парень этот был лихой, прошедший огонь, воду, чертовы зубы и службу в войсковой разведке на Северном Кавказе, откуда вернулся с боевыми наградами. Лев и Стас были знакомы с ним давно, одно время вместе служили, тесно общались и даже дружили, несмотря на разницу в возрасте, но вот расстались не очень хорошо. То, что Степан его подставил, Гуров ему давно простил – не по своей воле парень действовал, но вот того, что при этом чуть не пострадали Орлов с Крячко, – нет. Степан тогда от них ушел, даже не попрощавшись – знала собака, чье мясо съела. Где Степан теперь служил, Гуров точно не знал, хотя и сталкивался с ним потом по работе – это было явно какое-то спецподразделение, подчиненное кому-то на самом верху. И то, что он сейчас появился, означало новый поворот в деле Гурова – просто так он бы не пришел.

– Народ! Я понимаю, что добрым словом вы меня не поминаете, но у меня тут некоторые личные вещи остались. Хотелось бы забрать, – своим обычным бесшабашным тоном сказал Степан, но при этом прошел прямо к столу Льва и положил на него записку.

Гуров ее взял и прочитал: «С вами хочет встретиться мой тесть. Это очень важно, в первую очередь для вас». В записке был указан и адрес. Лев постучал себя по часам, чтобы уточнить время, на что Степан помотал головой, показывая, что его будут ждать столько, сколько надо – значит, дело действительно очень серьезное.

– Вспомнила баба, як девкой была! – в тон Степану сказал Крячко, пытавшийся, перегнувшись через два стоявших вплотную друг к другу письменных стола и вытянув шею, хоть краем глаза прочитать, что было в записке, хотя это было физически невозможно. – Раньше надо было приходить! Выкинули уже давно!

– Ну, на нет и суда нет! – беспечно ответил Савельев, забрал принесенную записку и вышел.

Когда за ним закрылась дверь, Стас подскочил ко Льву, который, достав из кармана приготовленную для уничтожения записку, написал на ней, что с ним хочет встретиться тесть Степана. Крячко, прочитав, со значительным видом покачал головой – дело оказалось не просто серьезным, а сверхсерьезным, потому что этим человеком был генерал-лейтенант ФСБ в отставке, а ныне сотрудник Администрации Президента Алексей Юрьевич Попов, и должность он там занимал солидную. А поскольку бывших чекистов не бывает, еще и личным другом очень высокопоставленных людей.

– Лева! Ты делом будешь заниматься или в окно пялиться? – спросил, вернувшись на место, Крячко. – Неприятности приходят и уходят, а работа остается. Ты бы хоть папку для приличия открыл.

– А чего стараться, если меня с минуты на минуту в управление собственной безопасности дернут? – удивился Лев. – Отстранение от работы на время проведения служебной проверки мне обеспечено, как пить дать. Так что это ты папку открывай.

Но звонка все не было и не было, и Гуров занервничал – его ведь ждал Попов. Но и уйти в такой момент, причем неизвестно куда, он не мог. Лев вышел якобы покурить, и стоявшие на лестничной площадке офицеры при виде его тут же замолчали – ясно, ему косточки перемывали, но к этому Лев уже давно привык. Дождавшись, когда он останется один, Гуров сжег записку и основательно потряс банку из-под кофе, чтобы пепел смешался с окурками. Когда он вернулся в кабинет, Стас торжественно сказал:

– Ждут-с! Только что звонить изволили. Приглашают на ковер-с! Причем лично к Дубову! Ох, он тебя сейчас и отдубасит! – И горестно добавил: – Не уважают тебя, Лев Иванович! Раньше прямо к начальнику вызывали, а теперь всего лишь к его заместителю.

– Так я чисто случайно знаю, что начальник в отпуске, – заметил Гуров.

Надев куртку, он глазами показал Крячко на портфель, напоминая, чтобы тот не забыл взять его с собой, на что Стас, уперев руки в бока, ответил ему возмущенным взглядом.

Полковник Дубов полностью оправдывал свою фамилию во всех смыслах. Он был среднего роста, коренаст и очень силен физически, но при этом весьма и весьма недалек. Честен он был безукоризненно, даже святая инквизиция не нашла бы, к чему прицепиться, и именно по этой причине при очередной чистке он и был назначен на эту должность. К сожалению, те, кто принимал это решение, почему-то не приняли во внимание, что он при этом был еще крайне злопамятен и очень мстителен. В прошлый раз, когда под Гурова начали копать из-за тех проклятых, принятых Марией от сибирских мужиков подарков и Льву удалось оправдаться без малейшего урона для чести и репутации, Дубов счел это за личное оскорбление – такая работа была проделана и все зря. И затаил злобу.

Когда же поступил сигнал, что Гурову хотят дать взятку, он вцепился в этот материал обеими руками и решил, что в этот раз раздавит ненавистного ему и якобы честного Гурова, как клопа. Будь его начальник на месте, никто бы ему развернуться не дал, но сейчас, дорвавшись до власти, он вошел в раж и уже сам не понимал, что отдает противозаконные приказы, настолько ненависть и злоба застили ему глаза. После вчерашней передачи Турина, имевшей огромный общественный резонанс, потому что Интернет буквально взорвался от возмущения, наступило горькое похмелье – утром его вызвали в министерство и мордовали, как нагадившего в хозяйские тапочки щенка. Было назначено служебное расследование уже по фактам его самоуправства, но вот от работы не отстранили, и Дубов решил, что жизнь положит, но докажет-таки, что Гуров самый настоящий оборотень в погонах, а то, что никаких доказательств его вины не найдено, так это только потому, что плохо искали.

Вот перед этим человеком Гуров сейчас и стоял. Багровый от ярости Дубов готов был испепелить его взглядом, но Льву к такому было не привыкать. Насвистывать он, конечно, не насвистывал, но вел себя совершенно спокойно, да и чувствовал себя так же – если уж в дело вмешался Попов, то можно было быть уверенным, что он во всем разберется, потому что долги за ним числились нешуточные – не раз Гуров по его поручению работал. Наконец Дубов, поняв, что Гурова он все равно не проймет, а после утренней выволочки на ковре многого он себе позволить не мог, злорадно заявил:

– Полковник Гуров! На время проведения в отношении вас служебного расследования вы отстраняетесь от работы. Сдайте служебное удостоверение и оружие, – он повелительным жестом указал на стол.

– Только в установленном законом порядке, после ознакомления с приказом в оружейку под роспись, а то из моего пистолета еще застрелят кого-нибудь, а я за это отвечать не хочу, – твердо ответил Лев.

От такой наглости Гурова Дубов стал уже малиновым, но правила есть правила, ему ли их не знать?

– Хорошо! – выдавил он из себя. – Приказ сейчас будет, а остальное я проконтролирую.

– Разрешите идти? – невозмутимо спросил Лев.

– Идите! – с ненавистью процедил Дубов.

Гуров вышел. Он дождался, когда будет напечатан, а потом подписан Дубовым приказ, на котором Гуров расписался в знак того, что ознакомлен с ним, и снова поехал на работу. Пистолет он сдал, а затем отправился сдавать служебное удостоверение. Начальник отдела кадров, переведенный на эту должность после серьезного ранения оперативник, с которым Лев был давно и хорошо знаком, посмотрел на него грустным взглядом и спросил:

– Лева! Ну чего тебе спокойно не живется?

– Я неприятности не ищу, они меня сами находят, – отшутился Гуров, кладя удостоверение на стол.

– Да оставь себе, – отмахнулся тот. – Мало ли что случиться может? Только уж направо-налево им не размахивай, чтобы мне по маковке не настучали.

К себе в кабинет Гуров подниматься не стал, а поехал по указанному в записке адресу. Чтобы избавиться от возможной слежки – уж если телефон прослушивали, то проследить за ним сам бог велел, – он предварительно очень основательно покрутился по тесным и узким переулкам старой Москвы, так что к нужному дому подъехал только тогда, когда был твердо уверен, что никого за собой не привел. В квартире, явно конспиративной, его ждал не только Попов, но и Степан – видимо, тесть настолько уверился в ценных качествах и преданности своего родственника, что стал привлекать его к своим очень серьезным делам, потому что мелочами он не занимался. Поздоровавшись, Гуров сел к столу и приготовился слушать, но ошибся, потому что Попов попросил:

– Лев Иванович, расскажите мне все, что знаете, от начала до конца. Как вы понимаете, интерес не праздный.

Врать Попову смысла не имело – тот, как аналитик, мог дать Гурову сто очков вперед и легко обогнать, так что Лев поведал ему все, что знал. Немного подумав, Алексей Юрьевич вздохнул и сказал:

– Счастье великое, что с вашей женой все обошлось – могло быть и хуже, поверьте мне.

И Гуров безоговорочно поверил, потому что Поповы, в прошлом разведчики-нелегалы, были выданы перебежчиком и провели хоть и в швейцарской, но тюрьме восемь лет, пока их не обменяли на агентов ЦРУ. А уж там бедной женщине пришлось очень тяжело.

– Как здоровье Анастасии Георгиевны? – в свою очередь, поинтересовался Лев.

– И рада бы поболеть, так ведь некогда, – чуть улыбнулся Попов. – Двое внуков, собака, кот. Конечно, у детей есть няня, по дому ей тоже помогают, но хозяйка-то она. Теперь вот садом решила заняться. Но давайте к делу. Значит, колье было, но во время обыска его почему-то не нашли.

– Сам удивляюсь, – пожал плечами Гуров. – Как я понял из передачи, искали более чем тщательно, с металлоискателями.

– Ну, достать его, я думаю, сложности не составит? – Алексей Юрьевич повернулся к Степану.

– Да, сегодня же схожу и возьму. Пусть только Лев Иванович мне подробно расскажет, что и как, – как о деле совершенно пустяшном, сказал тот.

И Лев, зная его буйное прошлое, ни секунды в этом не усомнился – тот еще пройдоха. Он нарисовал подробный план, как пройти к гримерке Марии, где там стоит шкаф и все остальное. Степан все внимательно изучил, покивал, на этом вопрос был исчерпан.

– Лев Иванович, а вы сами не задавались вопросом, почему вдруг возникла такая ситуация? – поинтересовался Попов.

– Знаете, мы чуть голову себе не сломали, думая об этом. То, что за этим стоит Александров, чушь несусветная – он на такое не пошел бы. Да еще и колье! Да и вообще никто из уголовников не стал бы мне ничего таким образом подсовывать – я ведь в ответ такое могу зарядить, что света белого не взвидят.

– Значит, вариантов никаких, – констатировал Попов. – Ну, тогда я вам кое-что расскажу, и надеюсь, это внесет некоторую ясность. Дело в том, что в пятницу было принято решение о подключении вашей, Лев Иванович, группы к расследованию по делу Егорова.

– Это министр правительства Московской области? – уточнил Гуров, и Алексей Юрьевич кивнул. – Но это же чисто экономическое преступление, – удивился Лев.

– Да, сначала оно рассматривалось именно так. Егоров разработал очень эффективную схему воровства бюджетных средств, выделенных на строительство и ремонт дорог области. В каждом районе области он создал две подконтрольные ему, но оформленные на подставных лиц фирмы соответствующего профиля. Как только объявлялся тендер на проведение таких

работ, эти фирмы подавали заявки, и одна из них обязательно его выигрывала. Она проводила работы, но их качество было таково, что на следующий год требовался новый ремонт. Снова проводился тендер, обе фирмы опять подавали заявки на участие в нем, но выигрывала уже другая. Эта история повторялась из года в год много лет.

– Знаете, мне даже страшно себе представить похищенную сумму, – сказал пораженный Лев.

– Даже опытные в таких вещах люди только руками разводили, – согласился с ним Алексей Юрьевич.

– Но здесь же в принципе придраться было не к чему, – продолжал удивляться Лев. – Как же он попался?

– Дело в том, что мэр одного из подмосковных городов по фамилии Кабанов, выйдя на пенсию...

– Алексей Юрьевич! Чтобы в наше время в России мэр города добровольно ушел на пенсию?! – воскликнул Гуров и запоздало извинился: – Простите, что перебил.

– Я понимаю ваше удивление, – кивнул Попов. – Да! Он вышел на пенсию и вскоре выехал с супругой на ПМЖ за границу. И вот уже оттуда направил информацию во все возможные правоохранительные органы России о том, чем занимается Егоров. В Администрации Президента тоже было получено это послание. После чего Кабанов постарался затеряться.

– Затерялся бесследно? – уточнил Гуров.

– Конечно нет, – спокойно ответил Попов. – Его нашли и с ним побеседовали, но нового он ничего не сказал. Оправдывался тем, что вынужден был принимать участие в аферах Егорова, потому что жизнь дороже.

– Что-то я не слышал, чтобы... – начал было Лев, но Алексей Юрьевич остановил его:

– Я позже объясню, – и продолжил: – К тому времени уже была начата служебная проверка деятельности Егорова, а поскольку факты подтвердились, то она плавно перетекла в уголовное дело. Егорова отстранили от должности и взяли подписку о невыезде. На адвокатов Егоров не скупился, есть подозрение, что и некоторые сотрудники правоохранительных органов оказались небезгрешны. Словом, дело начало пробуксовывать и грозило либо затянуться на веки вечные, либо закончиться вообще ничем. Тогда я проанализировал все материалы, сопоставил со словами Кабанова, что ему была жизнь дороже, и увидел, что в течение нескольких лет в Подмоскowie творились странные вещи: с мэрами некоторых городов и главами районных администраций происходили вроде бы совсем обычные, рядовые несчастные случаи, но, однако, всегда со смертельным исходом. Как вы понимаете, у каждого руководителя обязательно есть свои карманные фирмы, через которые он и сам хотел бы поучаствовать в дележе бюджета.

– А если все было отдано на откуп Егорову, то вывод напрашивается сам собой – эти несчастные случаи были совсем не случайными, – закончил за собеседника Лев.

– Вот именно! – подтвердил Алексей Юрьевич. – Но происходили они довольно давно, и тогда я решил привлечь к расследованию вас, потому что в вашей честности и компетентности никогда не сомневался.

– Мы кретины! – воскликнул Гуров и хлопнул себя по лбу. – Это я не о вас, – быстро заверил он Попова и Степана. – Мы, три старых сыскаря – я, Орлов и Крячко, много лет проработавшие в милиции, зубы проевшие на оперативной работе, сидели и гадали, откуда у этой истории ноги растут! А мой племянник... Да, без году неделя он, можно сказать, серьезной работой занят, еще тогда предположил, что мне эту подставу устроили не за то, что я «уже» сделал! А чтобы я «не смог» чего-то сделать! А мы от него отмахнулись!

– Ваш племянник это Вилков? – спросил Алексей Юрьевич.

– Да, троюродный, правда, но нам как родной сын. Светлая голова у парня! Далекое пойдут! – Гуров все никак не мог успокоиться. – Господи! Ну где же наши мозги были?

– Не расстраивайтесь, Лев Иванович, – успокоил полковника Попов. – Вы же тогда еще ничего о новом деле не знали, вам собирались сказать обо всем только в понедельник. Но, очевидно, произошла утечка информации, причем на очень высоком уровне, Егоров обо всем узнал и предпринял контрмеры, чтобы вывести вас из игры. Кто именно допустил утечку, мы сейчас разбираемся и обязательно выясним.

– Ну, теперь мне все ясно, – зло сказал Гуров. – Можете считать это непрофессиональным, Алексей Юрьевич, но ночь, которую моя жена провела в ИВС, синяк вполлица и другие побои я Егорову прощать не собираюсь! Для меня это дело стало уже личным!

– Как и для меня, Лев Иванович – это ведь я не только предложил вашу кандидатуру, но и настоял на ней, – добавил Попов. – Значит, вы беретесь за это дело?

Гуров на это только недоуменно посмотрел на него, словно хотел спросить: «А вы сомневались?», и предложил:

– Давайте перейдем к организационным моментам. Как я понял, Дубов меня в покое оставлять не собирается, так что слежка и прослушка телефонов мне обеспечена. Он взбешен настолько, что пойдет на все, а у меня есть две болевые точки – моя жена и племянник. Если вдруг как-то выяснится, что она нормально себя чувствует, то ее мигом вернут в ИВС, а Сашку... Да его могут просто подставить с непредсказуемыми последствиями. Подсунут наркотики, и все! Чего уж проще? Пока они не будут в безопасности, у меня связаны руки.

– Об этом не беспокойтесь, – заверил Попов. – Схема для подобных ситуаций у нас отработанная. Вашу жену сегодня же перевезут в Кремлевку, а Вилков будет ее сопровождать. Но туда приедет другая машина, а вот они еще до конца дня по чужим документам будут вывезены за границу. Вам нужно только их предупредить, чтобы не волновались.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Лев.

– Бросьте, это же в наших общих интересах, – отмахнулся генерал.

– Правда, если бы знали, сколько я заплатил за эту клинику, – Гуров тяжело вздохнул и помотал головой.

– Деньги вернут, – заверил его Попов. – Пусть не сразу, но вернут.

– А что мне делать с Любимовым? – спросил Лев. – Он же сегодня или уже подал, или подаст жалобу прокурору. И заплатить мне ему надо. Да и шумиха вокруг задержания и избивания Марии еще не скоро утихнет. Господи, если бы я только знал, что вы вмешаетесь в это дело, а в ИВС все более-менее обойдется, я бы просто подождал, а теперь?

– С Любимовым вам встретиться, конечно, надо, – подумав, сказал Алексей Юрьевич. – Попросите его пока не подавать жалобу прокурору, а если он уже подал, то отозвать. Объясните это тем, что у вас в связи с этой историей очень большие неприятности и имеет смысл немного подождать. Он человек умный, поймет. С телевидением особых проблем я не предвижу – там всегда найдется новая сенсация, которая затмит старую, тем более что официально ваша жена будет якобы находиться в Кремлевке, а уж туда никаких журналистов и близко не пустят. Вот шум сам собой и уляжется.

– Хорошо, так и сделаю. Но тут вот какой момент: я не застрахован от повторного обыска – Дубов закусил удила, и что он может от отчаянья предпринять, никому не известно. Как мне в такой ситуации держать дома рабочие документы?

– Ну, о том, чтобы вы жили дома, и речи быть не может, – согласился с полковником Алексей Юрьевич. – Эта квартира вас устроит?

– Нет, – покачал головой Лев. – Она же в центре – мало ли кого я смогу на улице встретить? Тут нужно что-то поближе к окраине.

– Есть такая, в Текстильщиках, – сказал Степан, поворачиваясь к тестю. – И транспортом неприметным мы Льва Ивановича обеспечим, чтобы в метро не светился.

– Я думаю, что это подойдет, – согласился тот. – Мне потребуются все без исключения материалы по якобы несчастным случаям и самая полная информация на Егорова. На данном

этапе все, – подвел черту Гуров и усмехнулся: – Егоров ужасно боялся, что я займусь его делом! А в результате именно этого и добился!

– Тогда, Лев Иванович, поступим следующим образом, – взял бразды правления в свои руки Степан. – Чтобы нам распланировать время, вы прямо сейчас договоритесь о встрече с Любимовым – это первоочередное. От него вы поедете в больницу и обо всем предупредите родственников, чтобы они по незнанию не подняли шум, когда за ними приедут. Скажите Вилкову, что пароль – Шурган. Выйдя из клиники, вы оставите машину на стоянке возле нее, пройдете два квартала пешком в обратном направлении до ресторана «Оазис» – это не вызовет подозрений, потому что по дороге к клинике вы будете проезжать как раз мимо него. За клиникой обязательно наблюдают, так что все решат, что вы просто вышли пообедать, чтобы потом вернуться обратно. В ресторане вы делаете заказ на свое усмотрение, а потом идете в туалет – мужской и женский там отдельно, чтобы помыть руки. В мужском кабинете две кабинки. Вы заходите в ближнюю к двери и оставляете там в мусорной корзине свой сотовый или сотовые, если у вас с собой их несколько – полиэтиленовый пакет будет приготовлен и засунут за бачок. Мусорное ведро там – это контейнер с вращающейся крышкой, так что никто телефоны не увидит, да и просто не успеет – их тут же заберут. Выйдя из туалета, вы пойдете не в зал, а дальше по коридору – там служебный выход, который будет не заперт. Вы выйдете во двор, где вас уже буду ждать я. Машина – темно-синие «Жигули» шестой модели, номерное знак 678. Я отвезу вас на новую квартиру, где имеется все необходимое для жизни. О своей машине можете не беспокоиться – ее заберет эвакуатор. Замечания по плану есть?

– Кажется, ты решил учить меня оперативной работе? – насмешливо спросил Гуров.

– Извините, Лев Иванович, но в некоторых вопросах я разбираюсь немного лучше вас, – совершенно спокойно ответил парень. – Вы уходите в автономный рейд по тылам противника. Какое у него прикрытие и каким оружием он располагает, мы не знаем – может быть, он готовит новую атаку, раз первая провалилась? Тут нужно быть готовым ко всему.

Гуров посмотрел на него совершенно другими глазами и подумал, что он при всех своих навыках и знаниях вряд ли смог бы провоевать два года на Северном Кавказе без единой царапины и вернуться с наградами. Но признать это вслух он не смог бы даже под дулом пистолета – водился за Гуровым такой грешок, что сознаваться в своих ошибках перед кем бы то ни было, кроме самого себя, он не мог.

– Тогда, может быть, ты мне подскажешь, как лучше всего замаскироваться? – не без ехидства спросил Лев.

– Сменить имидж, – мгновенно ответил парень. – Вам, например, следует перестать бриться и надеть ширпотреб, а то вы своим лоценым видом невольно привлекаете внимание женщин, а они намного наблюдательнее мужчин. А уж в том, что касается мужчин, особенно! Так что я заеду на вещевой рынок и куплю вам одежду попроще, чтобы вы в глаза не бросались.

Крыть Гурову были нечем, и он смолчал. Пережив свое пусть и никем не замеченное унижение, но мысленно пообещав себе припомнить это Степану при случае, затем позвонил Любимову, который оказался в офисе, и договорился с ним о короткой, всего на несколько минут встрече. Потом они со Степаном прикинули время, которое потребуется Льву Ивановичу на остальные дела, и решили, что до пяти часов вечера он, не торопясь, с учетом всех возможных пробок, успеет.

– Лев Иванович, современные технологии позволяют прослушивать все, о чем говорится в комнате, даже если телефоны выключены. Поверьте, это так, – видя недоуменный взгляд Гурова, подтвердил Алексей Юрьевич. – Вот вам телефон, пользуйтесь только им. Его номер знаем только мы со Степаном, так что других звонков быть не должно, если только по ошибке. Наши номера туда уже занесены. Контрольные звонки от нас к вам – в 9 часов утра и вечера. Если же вам вдруг срочно потребуется какая-то информация, то звоните сами в любое время.

Но лучше всего просто вызвать Степана, потому что по телефону всего не скажешь. Правда, он и так будет постоянно приезжать к вам с новостями.

– Алексей Юрьевич, мне надо как-то предупредить Орлова и Крячко, что некоторое время я буду вне зоны досягаемости, – сказал Гуров и, видя, что тот, выражая недовольство, поморщился, объяснил: – Поймите, если они вдруг решат, что со мной что-то случилось, то займутся поисками меня, и это может привести к непредсказуемым результатам. Тем более что мне нужно забрать у Стаса портфель с некоторыми необходимыми вещами. Да и поручения мне им кое-какие надо дать, которые им, как работникам полиции, будет проще выполнить, чем вашим людям. Тем более что о нашей дружбе знают все, так что их интерес не вызовет никаких подозрений.

– Например? – поинтересовался Попов.

– Нужно выяснить: откуда в службу собственной безопасности поступила информация о якобы взятке в виде кольца. Потом необходимо переговорить с Александровым – не с потолка же Егоров взял эту фамилию, тем более что в записке была даже его кличка Санька Рыжий. У Егорова была точная информация о том, что я не только вел это дело, но и не стал вешать на Александра лишнее, и ответил он только за реально совершенные им преступления – тут уж, извините, прослеживается явная связь Егорова или с уголовниками, или с...

– Работниками правоохранительных органов, – закончил за него Попов. – Так, судя по его осведомленности и тому, как ни шатко ни валко движется его дело, она у него самая прямая и надежная.

– Но у Александра все равно нужно узнать, нет ли у него на этот счет каких-то своих соображений, – настаивал Гуров. – Его ведь сильно подставили, а это заставит его очень усиленно шевелить мозгами. Далее. Дежурный ИВС клятвенно заверил меня, что посадит Марию в приличную камеру, а потом позвонил и сказал, что Никифоров, это начальник ИВС, приказал поместить ее к уголовницам. Так кто же Никифорову это приказал? Сам бы он на такое не пошел! Он еле-еле на месте усидел, отделавшись неполным служебным, после той истории, когда он посадил в одну камеру четырех проходивших по одному делу человек, которых еще и отравить умудрились. Хорошо, что хоть один выжил и потом мог показания дать. Нет! Никифоров ни за что не стал бы так рисковать без прямого приказа сверху! И еще. Если мне расследование уголовной составляющей дела Егорова уже не поручат, то кто именно будет этим заниматься? И кто отдаст об этом приказ?

– Я вас понял, – кивнул Попов.

– А я против, – решительно заявил Степан. – Крячко знает, что Алексей Юрьевич назначил вам встречу, следовательно, ваше исчезновение он и генерал Орлов поймут правильно.

– А ты откуда об этом знаешь? – возмутился Лев.

– А разве у вас со Станиславом Васильевичем когда-нибудь были секреты друг от друга? – спросил в ответ парень. – Я могу представить себе, что именно находится в том портфеле, который вы хотите забрать у Крячко. Уверяю вас, что в случае необходимости аппаратура у вас будет намного более современная и совершенная. Что касается перечисленных вами поручений, то передать их Крячко могу и я. Как и заявление вашего племянника на отпуск, потому что неизвестно, сколько нам потребуется времени, чтобы до конца разобраться с делом Егорова.

– Хорошо, я ему скажу, и он напишет, – вынужден был согласиться Гуров. – Но мы с вами не учли самого главного: если меня вдруг вызовут в управление собственной безопасности, а меня нигде не смогут найти, то...

– Вас сначала будут искать по больницам и моргам, а потом подадут в розыск, – спокойно сказал Попов. – Как и ваших родственников, если вдруг выяснится, что Марии нет в Кремлевке – такой вариант тоже надо учитывать. Потому-то их и вывезут за границу, так как в России спрятать будет намного сложнее.

– Ну, знаете! – возмутился Гуров. – Чтобы моя фотография висела на доске «Их разыскивает полиция» рядом со снимками преступников? О Марии и Сашке я уже и не говорю!

– Во-первых, Лев Иванович, да кто их смотрит-то? – встрял Степан. – А во-вторых, там висят еще и фотографии пропавших людей, а это не самое плохое соседство. Если сравнивать с первым, конечно.

– Сынок, – тихо сказал Алексей Юрьевич, и Степан тут же заткнулся, приняв самый скромный вид, а Попов обратился к Гурову: – Лев Иванович, – так же тихо и медленно продолжил он, – вас, может быть, смешат все эти предосторожности и раздражают связанные с ними неудобства, но если мои умозаключения верны, то в деле Егорова ремонт дорог – это верхушка айсберга. Разработанная им схема распространена практически по всей области и действует уже давно, но доказательств причастности Егорова к этому у нас нет. Пока нет, – подчеркнул он. – Размеры хищений колоссальны. По самым минимальным подсчетам речь идет о десятках миллиардов долларов, хотя на самом деле сумма может быть намного больше. И замешаны в этом такие люди, что без серьезных доказательств к ним даже близко подходить не стоит, а вот заподозри они к своим персонам хоть какой-то интерес, не останутся ни перед чем, вплоть до физического устранения. За вменяемые ему преступления Егорова сейчас нельзя взять под стражу – они же экономические, а у нас теперь либеральные законы. К тому же с такими адвокатами, как у него, его выпустят под залог. Но вот если удастся доказать причастность Егорова к чисто уголовным преступлениям и на основании этого арестовать его, то остальные фигуранты этого дела, узнав об этом, в большей или меньшей степени запаникуют, вот тогда их и можно будет накрыть частой сетью. Теперь вы понимаете, почему мы вынуждены работать в таких условиях? Я верю Степану и верю вам, а вот всех остальных нам придется использовать втемную для разовых, не связанных друг с другом поручений. Такая цель для вас оправдывает средства?

– Да, Алексей Юрьевич, – покаянно сказал Гуров. – Извините, но я даже не предполагал, что это все настолько серьезно. Я готов работать по предложенной вами схеме и прошу прощения, если чем-то кого-то обидел.

Знающие Гурова люди в обморок бы попадали, услышав от него подобное, но таковых здесь не было, а присутствующие это восприняли как само собой разумеющееся. Выйдя из квартиры, Лев поехал к Любимову, который встретил его настороженным взглядом – он же сказал Гурову, что деньги может принять и секретарь, а если Лев приехал лично, значит, что-то изменилось.

– Михаил Яковлевич, вы уже подали жалобу прокурору? – спросил Гуров.

– Еще нет, как раз собирался ехать, а что?

– Не надо этого делать, – попросил Лев.

– Пока или совсем? – уточнил Любимов. – Надеюсь, вы знаете, что срок подачи жалоб не безвременный?

– Знаю, конечно, но обстоятельства сложились таким образом, что шумиха, поднятая вокруг этого дела, может только повредить, и чем скорее она утихнет, тем лучше. Я не буду вам ничего объяснять, просто поверьте мне на слово, что больше ничего предпринимать не надо.

– И не надо мне ничего объяснять, – усмехнулся Любимов. – И так понятно, что в бой на вашей стороне вступила некая неучтенная третья сила, я прав?

– Михаил Яковлевич, я очень благодарен вам за все, что вы сделали для меня и Марии, но на данном этапе я считаю наши отношения законченными, – не отвечая на вопрос, сказал Гуров. – А вашу работу я сейчас оплачу. Всего доброго.

Гуров вышел, сопровождаемый задумчивым взглядом адвоката, оставил деньги секретарю, получил квитанцию и направился в клинику. Зная взбалмошный характер Марии, он не сомневался, что она попытается устроить скандал, но это его волновало мало – его голова была уже занята предстоящей работой. Толпы журналистов возле клиники уже не было – наверное,

где-то что-то случилось, и они бросились туда в погоне за горячим материалом. Одно слово – падальщики. Едва услышав голос Гурова, Саша тут же открыл дверь, и Лев, войдя и кивая на дверь в комнату Маши, спросил:

– Как?

– Да нормально. От передачи Турина была в полном восторге.

– Еще бы! Такой пиар! – хмыкнул Лев, направляясь к жене, а Вилков – за ним. – Маша, тебя сегодня перевезут в Кремлевку, – сказал он ей.

О том, что на самом деле они с Сашей будут вывезены за границу, он решил пока не говорить.

– Зачем? – удивилась она. – Мне и здесь хорошо.

– Туда не смогут проникнуть журналисты и выяснить, что твоя болезнь фикция, а то сюда, как мне сказал Саша, они неоднократно пытались попасть.

– Никуда я не поеду! – капризно заявила Мария.

– Ты хочешь обратно в ИВС? Тебе там так понравилось? – поинтересовался Гуров.

– Мне там не понравилось, но и в Кремлевку не хочу! – решительно заявила она. – У меня с собой ничего нет: ни приличных вещей, ни косметики! Как я там буду выглядеть на фоне остальных женщин?

– Ты думаешь, они туда ложатся для того, чтобы похвалиться друг перед другом туалетами и драгоценностями? – поинтересовался Лев, поняв, что о вывозе за границу ей ни в коем случае говорить нельзя – тут она такую истерику закатит, что сорвет всю операцию к чертовой матери.

– Но все равно я должна выглядеть достойно! – настаивала Мария. – Не в этом же провонявшем тюремной спортивной костюме мне там ходить?

– Хорошо, напиши мне список того, что тебе надо, и я тебе туда все привезу, – предложил Гуров, вырывая из блокнота листок бумаги и протягивая ей.

– Лучше привези сразу сюда, – попросила она.

– Извини, не смогу – у меня очень много дел, – сказал Гуров и не соврал: дел у него действительно было еще много. – Ну ты пиши, а мы с Сашей пока выйдем, чтобы тебе не мешать.

В другой комнате он отвел Вилкова подальше от двери и шепотом объяснил ему, как на самом деле обстоят дела.

– Помни, пароль – Шурган. Когда постучат в дверь и ты его услышишь, знай, что это свои.

– Дядя Лева, это действительно необходимо?

– Саша, ты никогда не задумывался, почему у нас с Машей нет детей?

– Я думал, просто не получилось или Мария не захотела себе фигуру портить, – пожал плечами тот.

– Нет, это было мое решение. При нашей работе болевые точки иметь категорически запрещено! Да, детей у меня нет, но есть Маша, а сейчас еще и ты, и на меня могут попытаться надавить через вас. Что, в общем-то, уже и произошло. Когда вы окажетесь в безопасности, у меня будут развязаны руки и я смогу работать спокойно, ни за кого не боясь. Теперь ты понимаешь, что это действительно необходимо?

– Да, дядя Лева, – вздохнув, согласился Саша. – Я обещаю, что буду присматривать за Марией и здесь, и там, куда нас отвезут. А это надолго?

– Ничего не могу обещать, но отпуск тебе будет оформлен с сегодняшнего дня. Кстати, хорошо, что вспомнил – пиши заявление.

Забрав заявление Вилкова и список необходимых жене вещей, который, даже написанный мелким почерком, не поместился на одной стороне листка, а перешел на его обратную сторону, Гуров направился к врачу. Тот встретил его со всем возможным радушием, как, впрочем, в частных клиниках и полагалось.

– Мою жену сегодня перевезут в Кремлевку, – сообщил ему Лев.

Тот на это понимающе кивнул и с готовностью заявил:

– Деньги вам, конечно же, вернут. Нужно написать заявление на имя...

– Я всем этим займусь, но позже, сейчас мне некогда, – перебил Лев врача. – Я вас прошу, подготовьте все документы на выписку уже сейчас, чтобы потом не задерживать «Скорую».

И провожаемый заверениями врача, что он немедленно этим займется, Лев ушел. Дальше все шло по заранее намеченному плану. Оказавшись в машине рядом со Степаном, Гуров попросил:

– Ты скажи тем врачам, которые будут забирать Марию, если они действительно врачи, чтобы в машине ей вкололи снотворное, а то, поняв, что ее везут не в Кремлевку, а неизвестно куда, она так разойдется, что машину на кусочки разнесет.

– Вы ей ничего не сказали? – удивился парень.

– Нет, она бы тут же закатила скандал по поводу того, что ей там будет нечего надеть, – вздохнул Лев.

Степан посмотрел на него и ничего не сказал, но думал, что вот умный мужик Гуров и с характером все в порядке, а дома – тряпка тряпкой. И угораздило же его жениться на актрисе! Словно не было вокруг нормальных женщин без закидонов и тараканов в голове, одна из которых могла бы стать ему хорошей женой. И не знал Степан, что Гуров в этот момент подумал о том же самом! Больше на эту тему они не говорили.

– Объясняю ситуацию, – начал Степан. – Квартира, как вы понимаете, конспиративная, однокомнатная, но для нормальной жизни там все есть. Чистое постельное белье и полотенца – в шкафу. В холодильнике тоже не пусто, но я тут кое-что еще прихватил. Теперь о вас. С этой минуты вы Илья Семенович Порфирьев – документы в бардачке.

Гуров полез туда и вытащил полиэтиленовый пакет, в котором лежал паспорт на это имя, но с его, гуровской, фотографией, свидетельство ОМС, документы на машину и все прочее, что может потребоваться Льву в ближайшее время, и два ключа на кольцо. И все это было не новеньким, а потрепанным – видно было, что пользовались этим давно.

– Запасные ключи от квартиры у меня есть, – сообщил Степан и стал рассказывать дальше: – Адрес регистрации сами посмотрите в паспорте, а легенда такая: после развода жена вас выставила из дома, дав в качестве утешительного приза эту машину. Вы не смотрите, что она неказистая, внутренности у нее такие, что до ста километров разгоняется за несколько секунд – это на всякий случай, а то мало ли, как дела повернутся.

– Если будут проверять по месту регистрации? – поинтересовался Лев.

– Жена продала квартиру и уехала в неизвестном направлении, – объяснил Степан и продолжил: – Детей у вас не было. Вы же сняли эту квартиру через риелторское бюро «Милый дом». Договор в пакете, данные на жену – там же. Временно безработный, и поэтому «бомбите». Вроде все.

– Степан, где же ты работаешь? – удивленно спросил Гуров.

– Какая разница? – усмехнулся парень. – Фирма веников не вяжет, и это главное. И учтите, что все эти документы мне нужно будет потом вернуть в целостности и сохранности.

Тем временем они подъехали к длинной многоэтажке в Текстильщиках. Доставая из багажника сумки, Степан пояснил:

– Супермаркет и круглосуточная аптека – бог даст, не потребуется – находятся прямо в этом доме, да и все остальное поблизости. Очень удобно.

Сумок было три. Степан взял две, Лев одну, и они пошли. Квартира действительно оказалась приличной, и пока Лев ее осматривал, Степан разгружал сумки. В одной оказались продукты, которые парень положил в холодильник, во второй – вещи, но такого качества, что Гуров никогда в жизни не надел бы их даже для поездки на дачу к Крячко. Увидев, как Лев смотрит на них, Степан усмехнулся:

– А ведь пол-России в такой одежде ходит, и ничего! Если же подглядить что-то надо, то уют здесь есть.

С этими словами он поставил на стол в комнате третью сумку, достал оттуда ноутбук и предупредил:

– Интернетом пользоваться не стоит, вместо него у вас есть я. – Потом он достал из той же сумки папки с документами, и сказал: – На данном этапе все, а я поехал, мне еще ваших друзей успокаивать и колбе доставать.

– Хорошо, что напомнил, – спохватился Гуров и протянул Степану заявление Вилкова на отпуск: – Вот, передай им.

Савельев ушел, а Лев, приготовив себе на скорую руку поесть, сел изучать документы, причем там были не только ксерокопии старых дел, но и пометки на них, сделанные, вероятно, рукой Попова. Итак, всего было восемь якобы несчастных случаев, закончившихся смертью пострадавших.

Первым был глава районной администрации Дмитриев, в должности этой он находился уже давно, нареканий у руководства особых не вызывал, так, средней руки менеджер. И вот, в мае 2005 года, когда он был дома один, потому что семья отдыхала на даче, в его квартире почему-то произошел взрыв бытового газа. Дмитриев умер в больнице, не приходя в сознание. Следствие велось самым тщательным образом – не рядовой же гражданин пострадал. Как показала экспертиза, газовое оборудование было в полном порядке, впрочем, в квартире руководителя такого уровня иначе и быть не могло. Из протокола осмотра было ясно, что и металлическая, и деревянная двери в его квартиру на четвертом этаже были заперты изнутри, да еще для надежности наружная была закрыта на защелку, а внутренняя – на цепочку. Окна в квартире, кроме того, что в спальне, а она, судя по плану квартиры, находилась далеко от кухни, были закрыты. А вот все пять вентилях на газовой плите, включая духовку, оказались почему-то открыты. Судя же по выключателю, свет в туалете, который как раз находился недалеко от кухни, Дмитриев зажег.

Ну и какой вывод из этого можно сделать? Предположим, Дмитриев с вечера крепко выпил, решил чаю попить, поставил на плиту чайник и забыл о нем. Или, например, поставил пельмени вариться. Закипевшая вода залила конфорку, газ начал заполнять квартиру – окнами, кроме спального, были закрыты. Потом Дмитриев пошел в туалет, в полусонном состоянии не поняв, что пахнет газом, включил свет, и вот тебе взрыв. Да вот только не было у него в крови ни алкоголя, ни снотворного, ни наркотиков, ни других веществ, а главное, зачем ему было все пять конфорок включать?

Или это было такое изуверское самоубийство? Ну не поверил мужик в то, что ему и газа хватит, вот и решил для верности еще и взорвать себя, а в придачу две соседние и одну верхнюю квартиру изуродовать. Может, тогда ему следовало бы лечь спать прямо в кухне на полу? Только, судя по отзывам, сумасшедшим Дмитриев не был, за должность свою держался мертвой хваткой, жена от него уходить не собиралась, уголовных дел против него не возбуждали. Словом, жил человек да радовался! Не было у него причин для самоубийства! Значит, это было убийство! И судя по приписке, рукой Попова: «На место Дмитриева в июне 2005 года был назначен Жданов, а в июле тендер на проведение ремонта дорог в районе выиграла подконтрольная Егорову фирма». Значит, именно Егорову была выгодна эта смерть. Но вот кто и как совершил это убийство?

Второй жертвой в июле того же года был мэр Власенко. Ну, тут и следствие проводить не стали. Собираясь на работу, зашел себе человек в ванную, чтобы душ, предположим, принять, поскользнулся и разбил себе голову о раковину. Только вот непонятно, откуда вдруг на полу мыльная вода взялась, если он был один в своей запертой изнутри квартире на шестом этаже? И опять-таки, судя по приписке, его преемник не стал ссориться с Егоровым.

Третьим в апреле 2006-го погиб мэр Яковлев. Был он опять-таки один, опять-таки в запертой изнутри квартире на третьем этаже элитного дома и, будучи совершенно трезвым, умудрился выпить смертельную дозу снотворного. Это списали на самоубийство, хотя ни малейших причин для этого у него не было, да и предсмертной записки он не оставил.

Опять-таки в апреле того же года глава районной администрации Ткачук, планировавший провести с семьей в деревне майские праздники, поехал туда со своим водителем, чтобы протопить выстывший за зиму дом, где они собирались потом заночевать, чтобы утром вернуться в город. Ну как мог много лет проживший в частном доме с печным отоплением человек закрыть вытяжку, а потом еще подбросить на раскаленные угли в печку сухие дрова? Тут угорел не только он, но и его водитель. Но если Ткачук принял для сугрева на грудь, то водитель-то, по данным экспертизы, был трезвехонек! И дверь опять-таки была закрыта изнутри не только на замок, но и на накидной крюк. Вывод был однозначный – несчастный случай.

Пятым был глава районной администрации Алопаев. Этот жил в собственном навороченном коттедже с непременно камином, и ведь надо же было такому случиться, что в мае 2007-го упал он там с собственной лестницы и сломал себе шею. И опять-таки был он дома один, и дом был заперт изнутри.

Шестым пострадал мэр Гречушкин. Летом 2007-го он решил после тяжелого трудового дня поразвлечься с секретаршей, а для бодрости духа, и не только его, хватанул от души коньячку. Но с такой дозой клофелина, что припозднившаяся по причине проведения некоторых гигиенических процедур девица застала его уже без сознания. Спасти не удалось. А ведь коньяк из этой бутылки, как потом выяснилось, он и до этого пил. И опять-таки в комнату отдыха при его кабинете никто не заходил.

Седьмой жертвой стал глава районной администрации Щербаков. Этот, хоть и страдал гипертонией, был любителем русской бани, чтобы из парной да в прорубь! Там-то, прямо в бане, в феврале 2008 года его и накрыл инсульт с летальным исходом. И тут оказалось, что во флаконе с лекарством для снижения давления у него были таблетки, обладающие как раз противоположным действием. Как они могли туда попасть, если он с этим флаконом не расставался, выяснить не удалось. Будучи вдовцом, имел любовницу, но ей от его смерти никакой выгоды не было, а дети давно жили в Москве и к отцу наезжали только по праздникам.

Восьмым и последним погиб мэр Сидоров, человек молодой и очень честолюбивый. За здоровьем своим следил самым внимательным образом – не пил, не курил, занимался в фитнес-центре, словом, собирался жить долго и счастливо. И вот этот человек, находясь один в своей квартире на восьмом этаже, летом 2008 года по совершенно загадочной причине выпал ночью со своего застекленного балкона. Тут уж причин для самоубийства никто даже искать не пытался – не было их, и быть не могло. Сидоров только что дорвался до вождельного кресла, и планов у него было громадье!

Конечно, это была не последняя смерть: мэров и глав администраций убивали и потом, но все эти убийства были обычными и объяснимыми: стреляли, нападали с ножом, взрывали, но вот таких непоняток больше не было. Все эти восемь убийств объединяло то, что все жертвы погибли, находясь в одиночестве, в запертых изнутри квартирах, и все их преемники рвались дружить с Егоровым и оказывать ему всяческое содействие в построении лично его, егоровского, материального благополучия. Само собой, что внакладе они не оставались, но по сравнению с тем, что они могли бы иметь, присосавшись к такой кормушке самостоятельно, это была мелочь, но жизнь, как выразился сбежавший мэр Кабанов, дороже.

Оставив бумаги на столе, Гуров начал мерить шагами комнату, мысленно рассуждая на ходу. И так, последний якобы несчастный случай произошел в 2008 году, а потом их не было. Почему? То ли все дружно признали неоспоримое право сеньора и больше не возражают, то ли у сеньора больше не было способа убеждения непокорных в своей власти. А значит, нужно выяснить, как складываются у Егорова отношения с новыми руководителями – не может быть,

чтобы с 2008 года главы администраций и мэры нигде не поменялись. Если подконтрольные ему фирмы продолжают благоденствовать, то люди просто запуганы и не ропщут, если же новые руководители начали проявлять самостоятельность, причем безнаказанную, это будет говорить о том, что прежних методов убеждения-принуждения у Егорова больше нет. Остановившись возле стола, Лев написал на чистом листе бумаги первый пункт из того списка поручений, которые собирался дать Степану, а потом стал вышагивать дальше.

Больше всего его заинтересовал последний случай с Сидоровым. Ну что тот мог делать ночью на балконе? Зачем он туда вышел? Покурить? Но он не курил! Напрашивалось другое предположение – его что-то насторожило, но что? Сработавшая сигнализация его машины? Служебная, естественно, была в гараже, а личная? Проверить, где она была. Узнать у соседей, не было ли в ту ночь во дворе шума, драки, криков. Гуров занес в список еще один пункт и стал размышлять дальше. Если окажется, что вокруг стояла тишь да гладь, то можно будет предположить, что Сидорова привлек шум на собственном балконе. Например, кто-то попытался к нему проникнуть. Но квартира-то на восьмом этаже! А если это был вор-домушник, а по совместительству верхолаз? Но нужно быть идиотом, чтобы лезть в квартиру, не убедившись в отсутствии хозяев. И тут Лев застыл, потому что вдруг все понял. Наличие хозяина именно и предусматривалось! Как и во всех остальных случаях! И с Сидоровым тоже должен был произойти какой-нибудь не вызывающий подозрений несчастный случай. Но он, видимо, чутко спал и, услышав даже небольшой шум, проснулся. Понадеявшись на свою физическую подготовку, он решил задержать вора сам, но что-то пошло не так, и закончилось это для него очень плачевно.

Быстро вернувшись к столу, Гуров достал из всех папок фотографии с мест происшествий и стал внимательно их изучать. И чем дольше он смотрел, тем больше убеждался в собственной правоте. Да, это был вор-домушник высочайшей квалификации! Виртуоз-форточник! Эти преступники должны быть обязательно маленького роста, очень худые, гибкие, и им пролезть в любую, недоступную для человека нормальных габаритов щель не составляет никакого труда. А он еще и очень сильный физически, раз может спускаться по веревке с крыши, а потом залезть обратно. Да, такому ничего не стоит и флакон с лекарством подменить, и снотворное подсыпать, и через каминную трубу в дом попасть, и все остальное. Но люди этой специальности не занимаются мокрыми делами, значит, этот почему-то изменил своим принципам, почему? Или правильнее спросить: ради чего? Деньги? Но при такой квалификации бедствовать он не должен. Или здесь присутствуют личные мотивы, старая дружба, например? Нужно срочно выяснить, не было ли среди знакомых Егорова щуплых людей маленького роста и с уголовным прошлым. Это, конечно, еще не доказательство, но уже зацепка. И в списке поручений появился еще один пункт.

За окном уже была глубокая ночь, но Гурову совсем не хотелось спать, а вот есть – да. Наделав себе гору разнообразных бутербродов – Степан чего только не накупил! – и, разведя большой бокал кофе покрепче – черт с ней, с поджелудочной! – он вернулся в комнату и стал изучать материалы уже на самого Егорова.

Итак, Егоров Николай Владимирович, 1968 года рождения, уроженец города Саратова. В личном листке по учету кадров, как его называли раньше, все было обычно, только вот наличие высшего образования вызвало большие сомнения – попадались грамматические ошибки. Так что диплом наверняка купленный. Гуров тут же внес в список поручений еще один пункт – проверить подлинность диплома Егорова, потому что окажись тот фальшивым, в чем лично Гуров не сомневался, это будет уже очень серьезно. Перечень мест работы Николая Владимировича после армии тоже доверия не внушал: из слесаря судоремонтного завода – сразу в помощники депутата гордумы Валентина Григорьева. С чего бы вдруг такой карьерный рост? В Москву он приехал в 1993 году в обозе Григорьева, выдвинутого на повышение. Был здесь сначала его помощником, потом подвизался на небольших должностях в правительстве Мос-

ковской области, куда был пристроен не иначе как стараниями того же Григорьева, а венцом его карьеры стала должность министра в 2004 году. А если учесть, что с 2005-го и началась череда странных несчастных случаев, то здесь есть о чем подумать! Ладно, к этому еще вернемся.

Автобиография Егорова была написана короткими скупыми фразами, но ошибок в ней было еще больше. Так, семья самая простая: родители работали на том же заводе, что и он сам потом, и обоих уже нет в живых: отец погиб в результате несчастного случая в 1982 году, мать умерла от рака в 1985-м. Имелась сестра Екатерина, но тоже скончалась в результате несчастного случая в 1986-м. Что-то вокруг Егорова слишком много несчастных случаев! Женился Егоров, как тогда было принято, сразу после армии в 1988-м, в 1989-м у него родился сын Владимир. Брак был расторгнут в 1993-м. А почему? А, видимо, потому, что брать с собой жену и сына в Москву Егоров не планировал. В 2004-м сын скончался в результате несчастного случая – просто эпидемия какая-то! В столице Егоров долго наслаждался прелестями холостой жизни, а потом, видимо, для респектабельности женился в 2007 году, детей не было. Развелся он через два года после свадьбы. Судя по тому, что в третий раз он женился на светской львице через два месяца после развода, ради нее все и произошло. Тут в перечень поручений были внесены еще два – поговорить с его бывшей женой, потому что обиженная женщина очень охотно выложит всю подноготную о муже. Да и с нынешней супругой побеседовать ненавязчиво тоже не помешает – эти особы умом не блещут, так что можно будет узнать что-то интересное.

Покончив с этим делом, Лев перешел к протоколам допросов людей, которые в разное время работали с Егоровым. Ну, те, кто знал его в должности помощника Григорьева, ничего интересного не сказали: предан, исполнительен, но недалек. А вот те, кто работал с ним уже в правительстве Московской области, дали гораздо больше информации. Практически все удивлялись тому, что его назначили министром, потому что покровитель покровителем, но и в голове нужно что-то иметь, а в ней, по их мнению, было негусто. А вот некоторые из них хоть и смущались, хоть и говорили, что сами в такое не верят, но куда от фактов деваться? Короче, они считали, что у Егорова дурной глаз, потому что он говорил человеку: «Никто ни от чего не застрахован. Все под богом ходим. Никто с ним контракт не подписал» – а потом с тем человеком несчастный случай происходил.

Отложив в сторону эту стопку документов, Гуров всерьез задумался: по всему получалось, что разработать такую хитроумную схему хищения бюджетных средств Егоров сам явно не мог. Как там говорили? «Предан, исполнительен, но недалек». Получается, кто-то думал за него. Просмотрев список ближайшего окружения Егорова, Гуров не нашел там людей, способных на подобную благотворительность: каждый из них занят своим делом и такие богатые идеи никому дарить не будет, а применит их сам. Да и окружение самое обычное для человека такого уровня: коллеги по работе, банкиры, госслужащие, подруги жены с солидными мужьями или папиками.

Надо копать глубже! Искать в молодости, в детстве, среди школьных друзей, потому что именно тогда завязываются самые прочные, на всю жизнь связи. Необходимо ехать в Саратов и разбираться на месте, потому что передоверить такое дело Гуров никому не мог. Легко сказать: ехать, но как? По чужим документам, хотя они на самом деле настоящие? И тут Лев понял, что совершил страшную ошибку, не сняв с карточки еще днем деньги, а сейчас это делать было уже опасно – все банкоматы оборудованы видеокамерами. Те, кто за ним следил, потеряли его после того, как он вошел в ресторан, и, естественно, доложили по инстанции. Домой он не вернулся, на связь с Орловым и Крячко не выходил. Если его вдруг вызывали, предположим, на допрос в управление собственной безопасности, а он оказался недосыгаем, его вполне уже могли подать в розыск – с Дубова станется, а счет заморозить. Если же, не приведи господи, почему-то выяснилось, что Мария и Сашка в Кремлевку не приезжали, а перепроверить это вполне могли, то могли подать в розыск и их. Те, кто затевал эту провокацию, никак не могли ожидать, что ситуация выйдет из-под их контроля, и теперь им жизненно необходимо либо

убедить всех в своей правоте, то есть сделать из Гурова оборотня в погонах, а Марию – его соучастницей, либо ликвидировать их по принципу: нет тела – нет дела. А ехать в Саратов надо! Что предпринять? За окном начало уже сереть, когда Гуров решил, что все-таки стоит лечь и поспать. Вот приедет завтра, то есть уже сегодня Степан они все и обсудят.

А Степану в тот день тоже пришлось нелегко. Во-первых, надо было как-то связаться с Крячко, чтобы успокоить его и Орлова, а то они, тревожась за Гурова, действительно могли наломать дров. Но это он решил поручить отцу – он со Станиславом Васильевичем дружит, вот пусть и выкручивается.

Николай Степанович Савельев, ворочавший миллионами, причем не рублей, исполнительный директор и главный акционер ЗАО «Сибирь-матушка», имевшего филиалы во всех крупных городах Сибири и Дальнего Востока, давно уже смирился с тем, что его сын живет своей, совершенно непонятной для него жизнью и совсем не собирается идти по его стопам, и теперь делал главную ставку на внука, проча его в свои преемники – то, что малыш еще даже говорить толком не умел, его не смущало. Выслушав просьбу сына пригласить к себе в офис Крячко, потому что ему нужно передать ему кое-что от Гурова, Савельев только вздохнул и снял трубку – о том, что случилось со Львом и Марией, он уже знал из новостей по телевизору и понимал, что это для дела.

А Стас и Петр к вечеру уже вконец извелись. Они сидели в кабинете генерала, и Орлов кипел от возмущения:

– Сволочь! Хоть бы позвонил и сказал, как у него дела. И ведь телефоны все отключил! Меня из службы собственной безопасности уже чуть не изнасиловали – вынь да положь им Гурова. Последний раз полчаса назад звонили! А его что, им рожу?

– Эгоист он! И ты сам это не хуже меня знаешь! – поддержал его Крячко. – Ему на нас плевать! Но раз они его не нашли, значит, он не задержан. Хоть это утешает.

– Стас! Подумай, в какую нору он мог забиться?

– А черт его знает! – взорвался тот. – У него должников по Москве, как у сучки блох! К любому обратится, и будет у него и стол, и дом! И отсиживаться он там может сколько хочет!

– Ну хоть бы через кого-нибудь дал понять, что у него все в порядке! – воскликнул Орлов. Именно в эту минуту на сотовый Крячко и позвонил Савельев.

– Привет, Стас! В офис ко мне не подъедешь? Тут мужики из Сибири гостинцы прислали, – радушно пригласил он.

– Извини, не до этого мне сейчас, – отказался Крячко.

– Жалко! – вздохнул Савельев. – С медом и орехами, конечно, ничего не случится, но вот рыба малосольная и мясо копченое как бы не пропали. И Леве не предложишь с его-то поджелудочной.

Тут до Крячко стало кое-что доходить, и он, сориентировавшись, спросил:

– Ты там долго еще будешь?

– Вообще-то уже уезжать собирался. Хотел тебе еще раньше днем позвонить, но замолтался.

– Ладно, сейчас подскочу, дождись меня, – пообещал Стас и, отключив телефон, сказал Орлову: – Петр! Ты копченое мясо и соленую рыбу любишь?

– Люблю! Особенно под водку! – пока еще ничего не понимая, ответил тот.

– Тогда я сейчас быстро сгоняю к Савельеву, все заберу, и нажремся мы с тобой сегодня вечером в хлам, чтобы не думать о том, что нам с тобой такой гад, как Гуров, в друзья достался.

– Тогда поезжай потом сразу ко мне домой. Я по дороге водки куплю, а жена пока картошечки отварит.

Если бы потом Крячко спросили, как он доехал до офиса Савельева, он бы ответить не мог, но добрался без происшествий. Буквально вломившись в кабинет Николая Степановича, он не увидел на столе обещанных гостинцев, зато за ним сидел Степан собственной персоной.

– Ну? – Стас подскочил к нему и, чуть ли не хватая за грудки, спросил: – Что слевой? Тот и бровью не повел, а достал и протянул Стасу листок бумаги.

– Это заявление Вилкова на отпуск. Он и Мария находятся в Кремлевке, но навещать их там не надо, – заявил он. – И даже по телефону интересоваться их самочувствием не стоит. Я ясно выразился?

– Понял, не глупее тебя, – буркнул Крячко, решивший, что Лева спрятал свою родню у кого-то из своих должников. – С ним-то самим что?

– Жив-здоров, работает. Условия таковы, что на связь с вами он выходить не сможет, но просил вас кое-что для него выяснить, – и Степан перечислил все поручения Гурова. – Информацию передадите тем же путем: позвоните папе, и я сюда подъеду. – И, обращаясь ко всем, сказал: – Ну, все! Я пошел – у меня еще дел полно. Из здания выйду через запасной выход.

– Когда малышей к нам привезешь? – вслед ему спросил Савельев.

– Если все будет нормально, то на выходные, – пообещал тот и вышел.

Выдохнув с огромным облегчением, Крячко опустился на стул и сказал:

– Слава тебе, господи! Хоть какая-то ясность появилась. А то ведь чуть с ума не сошли. – И, окончательно придя в себя, ехидно спросил: – А гостинцев, значит, не будет? – Савельев на это только развел руками. – Ну, ничего! Мы ради таких хороших новостей с Петром без всякой закуси в хлам напьемся!

Выйдя из офиса, Стас поехал домой к Петру, а вот Степан в это время уже подъезжал к театру – ему же надо было еще кольцо доставать.

Вторник

Утром Гурова разбудил контрольный звонок Степана. После всех пережитых им нервно-трепок и бессонных ночей он чувствовал себя как дряхлый старик, но это не мешало ему здраво соображать, и полковник попросил Степана приехать. За оставшееся время Лев успел принять прохладный душ, чтобы немного взбодриться, нажарить себе сказочную яичницу с колбасой и хоть и с тепличными, но помидорами, а также выпить большой бокал кофе с бутербродами – надо же было подкрепиться, а то накануне он за весь день толком ничего не ел. Степан начал с отчета.

– Докладываю: Мария и Вилков уже прибыли на место без происшествий и, по имеющимся у меня данным, всем довольны.

– Куда вы их хоть отправили-то? – поинтересовался Гуров. – Теперь-то уж можно сказать.

– Помните, из-за чего мне пришлось от вас уйти? – спросил Степан.

– Еще бы! Ту историю с шантажистом я еще не скоро забуду! – поморщился Лев. – И то, как мне руки тогда выкручивали, тоже! – не удержавшись, добавил он.

– Но ведь все благополучно завершилось для всех заинтересованных сторон, – примиряющее сказал парень. – Так вот, среди тех, кого тот гад держал в руках, был отец одной девицы, которая сейчас благополучно замужем и живет за границей. К ней-то мы вашу родню и отправили. Приняли их там очень хорошо, может быть, даже возвращаться не захотят. А более точная информация вам и не нужна.

– Все равно Мария вернется и все разболтает, – отмахнулся Лев. – Еще что?

– Колье я достал, и им сейчас тесть занимается. Записка на экспертизе – удалось достать образец почерка Александрова, так что есть с чем сравнить.

– Как же ты в театр попал? – удивился Гуров.

– Лев Иванович! После того погрома, что там при обыске устроили, его всем миром в порядок приводят. Затесался среди людей, прошел к гримерке, ну а дальше совсем просто, – притворно скромно ответил Степан.

– Никак не могу понять, почему его при обыске не нашли, – недоуменно сказал Гуров. – Ну не могли его пропустить!

– Давайте подождем, что Алексей Юрьевич выяснит, может, тогда и гадать не придется, – предложил Степан.

Гуров вкратце обрисовал ему ситуацию и свои выводы, а потом, протянув лист с поручениями, начал объяснять, что парню предстояло сделать.

– Да, поговорить-то с этой дамочкой, – Степан имел в виду нынешнюю супругу Егорова, – было бы нетрудно – общих знакомых по тусовкам нашли бы. Только вот убыла она в субботу утром совершенно неожиданно для всех и в неизвестном направлении. Мы позондировали почву и выяснили, что Егоров говорит всем, что они накануне на ее дне рождения крупно поссорились, а наутро она хлопнула дверью и ушла, причем он даже не догадывается, куда именно.

– Степа! Жизнь приучила меня не верить в совпадения, – задумчиво сказал Лев. – Суди сам: в пятницу было принято решение о подключении моей группы к делу Егорова, в субботу утром его жена внезапно исчезает, а вечером устраивают провокацию против меня, используя Марию.

– Намекаете на то, что эта дамочка могла увидеть или услышать много лишнего и теперь где-то в саду на глубине двух метров отдыхает? – спросил парень.

– Исключать такое я не стал бы, но прежде всего проверил бы все авиарейсы – вдруг она куда-то уехала? – предположил Лев.

– То есть Егоров не стал решать вопрос кардинально, а просто спровадил ее куда подальше на время? – уточнил Степан.

– Вот именно! Да и с подруженьками ее я бы побеседовал. Эти дамочки болтливы, как сороки. Если она действительно где-то телеса греет, то позвонить приятельницам и похвалиться – святое дело.

– Хорошо, мы этим займемся, – кивнул парень.

– Ну, раз с этим вопросом все, то переходим к основному. Степан, мне нужно в Саратов! – решительно заявил Гуров.

– Нет! – не менее решительно ответил парень. – Я сам съезжу и все выясню. Что вас интересует?

– Степа! Пойми! Я уже в теме, я знаю, что нужно спрашивать и на что обратить внимание, – начал убеждать Савельева Лев.

– Введите меня в курс дела, и я буду знать столько же, а уж как я умею втираться в доверие, не мне вам рассказывать, – стоял на своем Степан.

– Черт! Да я бы даже разговаривать с тобой не стал, а просто взял и поехал, если бы у меня были деньги! – вспылал Лев.

– Нарываться изволите, господин полковник! – назидательно произнес парень. – По Москве еще туда-сюда, а вот с ментами на вокзале и в аэропорту я бы вам сталкиваться не советовал – а ну как срисуют?

– Что, все-таки объявили в розыск? – спросил Гуров, хотя уже и так это понял.

– Некоторые господа вне себя от служебного рвения, копытом землю роют, – кивнул тот.

– Вот как хочешь, так и придумывай, но в Саратов мне надо! – твердо заявил Лев. – Иначе мы будем ковыряться в этом деле до морковкиного заговенья! Потому что там нужно концы искать! Именно там! Звони тестю, может быть, он предложит что-то рациональное.

Поколебавшись, Степан позвонил Попову и рассказал о том, как обстоят дела. Тот поколебался, но согласился, что ехать надо, а вот как все организовать, пусть Степан сам думает.

– Не было печали! – буркнул парень, отключив телефон – видно, он рассчитывал, что тесть согласится именно с ним и именно его пошлет в Саратов – авантюристом Степан был отъявленным, но раз карта легла иначе, то надо было что-то придумывать, и он начал рассуждать: – Самолет быстро и удобно, но опасно – в аэропортах народ бдит изо всех сил. Остается междугородний автобус или поезд, что выбираете?

– Лучше поезд, потому что просидеть черт знает сколько часов, а потом еще и работать мне будет трудно – не мальчик я уже, в конце концов, – решил Гуров.

– Значит, нам нужен проходящий, в плацкарте, и садиться вы будете не в Москве. Вас объявили в розыск, фотографии на разводе раздали, и вы сейчас в памяти у пэпээсников еще свеженький. Срисуют на раз! Документы у вас – не подкопаешься, но ведь могут задержать до выяснения обстоятельств, а это никому не надо. Таким образом, я вас довожу на машине до первой станции после Москвы. Можно было бы и на электричке, но там вас опять-таки могут увидеть полицейские, так что рисковать не будем. На этой станции вы садитесь в поезд, тут риску гораздо меньше – пока еще туда информация дойдет. Надолго собираетесь задержаться в Саратове?

– Нет, – покачал головой Лев, – постараюсь обернуться за один день. Если же потом потребуются какие-то уточнения, то их уже отсюда можно будет запросить.

– Значит, обратно будете возвращаться тем же путем. Позвоните мне и скажете, каким поездом едете, а я вас буду встречать на той же станции. Сейчас посмотрим, какой у нас расклад.

Степан достал свой ноутбук и стал искать нужную информацию, а Гуров пошел на кухню за вторым бокалом кофе – спать хотелось все сильнее. Когда он вернулся, Степан уже определился.

– Поступим следующим образом. В два с минутами с Павелецкого вокзала уходит поезд 047 Москва – Балаково. Первая остановка у него Узуново, но она длится 23 минуты, а это нам не подходит – слишком долго, а вот следующая Михайлов, куда поезд приходит в 17.46 и стоит всего 2 минуты, это то, что нам нужно. Вагоны есть сидячие и плацкартные, сидеть вам будет трудно, а вот плацкарт подойдет. В Саратове будете в полшестого утра. Нормально?

– Подойдет, – согласился Лев. – Пока я там найду нужную улицу, время и пройдет. Главное, чтобы билеты были.

– Это уже моя проблема, – отмахнулся Степан. – Ну а с обратным выездом вы там на месте разберетесь. Я сейчас пойду, а вы лягте да поспите, а то видок у вас, вы уж извините, очень сильно не цветущий. Но перед сном соберите сумку, а то без багажа вы будете вызывать подозрение – там в коридоре в шкафу есть кошелка потрепанная, ее в случае чего и бросить не жалко. Ну а одежда у вас сейчас такая, что вполне сойдете за небогатого пенсионера. Только бриться не вздумайте!

– Ну поучи меня еще, поучи! – возмутился Гуров, закрывая за парнем дверь.

Но сумку он все же предварительно собрал и лег спать – действительно, не молоденький уже, чтобы после бессонных ночей мячиком скакать. Он проснулся от того, что кто-то возился на кухне – это был Степан. Парень приготовил ему в дорогу три бутерброда с сыром, сварил вкрутую яйца, а соль насыпал в спичечный коробок.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал он, увидев Гурова. – Теперь вы самый обычный дедок, что едет к родственникам. Билет я вам купил в плацкартный вагон, но – уж простите, на верхнюю полку – там вы незаметнее будете. Десяти тысяч вам на один день и обратный билет должно хватить. Сейчас перекусим – и в путь.

Поев, они поехали на станцию Михайлов. По дороге Степан спросил:

– Лев Иванович, вы взяли с собой наш телефон? – Тот кивнул. – Если возникнет нештатная ситуация, немедленно звоните. Денег на его счет положено достаточно, так что об этом не волнуйтесь. Еще. Вы помните о том, что теперь вы Илья Семенович Порфирьев? – В ответ Гуров только поморщился. – Это я к тому, что вдруг вы случайно захватили с собой какие-нибудь документы на имя Гурова.

– Не считай меня дураком, – буркнул Лев.

И... соврал! Служебное удостоверение он как раз прихватил на всякий случай с собой – мало ли, как дела могут повернуться? Вдруг и пригодится?

К поезду они успели, и Гуров, повесив куртку на крюк, засунул сумку под подушку и сразу же, забравшись на свою полку, уснул – выспаться-то он так толком и не успел.

А в это время Алексей Юрьевич Попов, предварительно договорившись о встрече, уже сидел в «Алмазном фонде» напротив пожилого эксперта, как ему сказали, лучшего в своем деле.

– Ну-с? С чем пожаловали? – поинтересовался тот. – Что могло заинтересовать в нашем ведомстве сотрудника Администрации Президента?

– Сначала вот это, – сказал Попов, положив перед ним лист бумаги.

– А! Подписка о неразглашении! – глянув на собеседника, хмыкнул эксперт. – Знали бы вы, сколько я их уже подписал! – Но подпись свою поставил и, возвращая листок, поинтересовался: – Так в чем дело?

– Вот в этом, – ответил Алексей Юрьевич и, достав из внутреннего кармана пиджака все тот же файл, выложил на стол кольцо и расправил его.

– Не может быть! – схватившись за сердце, ахнул эксперт. Он судорожно сглотнул, склонился над украшением, но тут же выпрямился и возмущенно воскликнул: – Что за гадость вы мне принесли?

– А вот вы мне сейчас и расскажете, что это за гадость, – спокойно ответил Попов.

– Это даже не подделка! Это дешевая копия! – бушевал эксперт.

– Копия чего? – уточнил Алексей Юрьевич. – Делайте поправку на то, что имеете дело не со специалистом.

– Извините, – пробормотал эксперт. – Но вы должны меня понять. Оно столько лет считалось пропавшим, а тут вы вдруг приходите и приносите его. В файле! – язвительно добавил он. – Счастье великое, что это копия, а то бы я вам...

– Я жду! – нетерпеливо напомнил Попов.

Как любой фанатик своего дела, а эксперт был именно таким, он мог говорить об интересующих его вещах бесконечно и поэтому начал издалека:

– Это колье княгинь Шеловских. Сейчас я вам покажу, как оно выглядит по-настоящему.

Он, подъехав на своем кресле с колесиками к стеллажу, достал оттуда фолиант, полистал его, открыл на нужной странице и положил перед Поповым.

– Вот, полюбуйтесь. Это первая княгиня Шеловская. Точнее, не первая, конечно, но оно было именно ей подарено. Это колье уникально по технике исполнения и занесено во все каталоги, его знают все ювелиры мира.

Попов увидел портрет необыкновенно красивой зеленоглазой женщины в придворном платье, а на шее у нее было именно такое колье.

– Любая вещь такого уровня имеет свою историю. Все началось во время правления Николая Первого. Среди фрейлин его супруги была Анна Павловна Оболенская-Тверская. Красавица, как вы видите, необыкновенная. Судя по всему, между ней и императором была не интрижка, а самая настоящая любовь, уж с его стороны – точно. Конечно же, все обо всем знали. И тем большим сюрпризом для всех стало известие о том, что Анна Павловна выходит замуж за князя Шеловского. Это, надо вам сказать, один из самых древних дворянских родов России, Гедеминовичи! А князь этот входил в ближайшее окружение императора!

– По всей вероятности, девица оказалась в интересном положении, император не захотел, чтобы его ребенок рос байстрюком и воспитывался где-то на задворках в самом дальнем имении, вот и попросил князя покрыть его позор, – предположил Попов.

– Ну, никаких письменных свидетельств этого нет, – развел руками эксперт. – Но! По высочайшему повелению придворными ювелирами к свадьбе Анны Павловны и Шеловского было изготовлено это колье из изумрудов с бриллиантами – у Анны Павловны, как вы, наверное, заметили, были зеленые глаза. И табакерка с портретом Николая Первого и надписью: «Князю Андрею Дмитриевичу Шеловскому в знак вечной дружбы». Полагаю, это о чем-то говорит!

– Значит, в жилах Шеловских течет кровь Романовых?

– Нет! – вздохнул эксперт. – Старший ребенок Анны Павловны и Андрея Дмитриевича умер во младенчестве. Однако брак этот, хоть и заключенный не по доброй воле, а по монаршему повелению оказался удачным. С тех пор это колье переходило из поколения в поколение старшим из княгинь Шеловских. Такая вот семейная реликвия!

– И оно затерялось во время революции? – спросил Попов.

– Опять-таки нет! После революции, во время Гражданской войны практически все Шеловские, а род этот довольно большой, разветвленный, покинули Россию. Время было страшное, многого взять с собой они могли, а может, и не хотели, потому что рассчитывали со временем вернуться, но табакерка в числе прочего уехала вместе с ними. По слухам, она сейчас во Франции. А вот с колье произошла другая история. Константин Николаевич Шеловской был, как и все его предки, военным. Он долго не женился, потому что родители не давали согласие на его брак с, конечно же, дворянкой, но из весьма незнатного рода. А тут, не вынеся крушения жизненных устоев, умер его отец, и старшим в роду стал он. Тут-то он и женился в 1920 году на любимой девушке, и колье перешло к ней. Эмигрировать он отказался, потому что был настоящим русским патриотом и служил не правителям, а России. Он был выдающимся

специалистом по фортификационным сооружениям. А в стране таких в то время было очень мало, точнее, не осталось. Его не стали трогать, назначили военспецом и приставили комиссара, чтобы за ним присматривал. Ему даже оставили московскую квартиру, ничего в ней не тронул. Многочисленные имения по всей России, конечно же, отобрали.

– Значит, 1937 год, – заключил Попов.

– Совершенно верно! – подтвердил эксперт. – Константин Николаевич много работал по всей России, а его жена с сыном Александром – он у них родился в 1921 году, ездили везде вместе с ним. И вот в Туркестане его жена умерла. Глупая, нелепая смерть от укуса тарантула. Потом он вернулся в Москву, а был он в то время уже, считая по-современному, полковником. Жил он с сыном по-прежнему в своей квартире, преподавал в академии и в 1931 году снова женился, а на следующий год у них родилась дочь Ольга. Что творилось в 1937 году, теперь известно всем, и, когда за ним пришли, он успел застрелиться.

– Чтобы избежать пыток и мучительной смерти? – предположил Попов. – Как-то малодушно для князя – другие-то не стрелялись и прошли через все это.

– Вы ничего не понимаете! – досадливо отмахнулся эксперт. – Он не боялся смерти. Во всяком случае, в Первую мировую он сражался на фронте наравне с рядовыми и в штабе не отсиживался. Он был человеком чести! Он не мог себе позволить опозорить свой род – чтобы князь Шеловской был арестован, судим, казнен! Нет, он предпочел другой выход. А вот супруга его, кстати, очень красивая женщина была и, несмотря на разницу в возрасте, очень его любила. Так вот она, зная о том, какие муки ее ждут, застрелилась из этого же пистолета над телом мужа. Их так и нашли потом рядом.

– Странно! – удивился Алексей Юрьевич. – Ну, ладно, Александр был ей пасынком, но дочь-то родная. Как она могла бросить ее в таком возрасте? Ведь должна же была понимать, что ту ждет детдом, смена фамилии и самое безрадостное будущее. А главное, она ведь могла получить пусть и большой, но срок, а потом попытаться найти дочь. Странно, – задумчиво повторил он.

– Ну, вероятно, она-то как раз и была малодушной и очень испугалась, – предположил эксперт.

– А как сложилась судьба их детей? – поинтересовался Попов.

– Никто не знает, – пожал плечами эксперт. – Когда чекисты ворвались в квартиру, то кроме трупов ничего и никого не нашли. Детей, как потом выяснилось, еще за несколько месяцев до этого Шеловские отправили погостить к родственникам жены, но они там даже не появлялись. Ничего компрометирующего хозяев в квартире, конечно же, не нашли, но не было там также никаких личных бумаг и драгоценностей, даже фамильного столового серебра. Даже обручальных колец на трупах не было.

– Похоже, что полковник, предвидя грядущие бедствия, где-то спрятал и детей, и все ценное, включая кольцо, чтобы им было на что потом жить, – отвечая своим мыслям, сказал Алексей Юрьевич и спросил: – Интересно, их искали?

– Скорее всего, да, но, чтобы точно ответить на этот вопрос, нужно посмотреть в архивах ФСБ, но не факт, что там найдется что-то интересное. Двое детей с такими ценностями! Их могли просто убить, а вещи присвоить – мне приходилось сталкиваться с такими случаями, и в порядочность чекистов я больше не верю.

Если Попов и воспринял эти слова как личное оскорбление, то виду не подал и спросил:

– Скажите, а кто, по вашему мнению, мог сделать эту копию?

Эксперт взял кольцо с таким брезгливым видом, словно дотрагивался до половой тряпки, и стал его рассматривать.

– Ну, сделано оно не более семи-десяти лет назад. А по манере исполнения... – он задумался, вертя кольцо и так и эдак, а потом уверенно сказал: – Исаак Соломонович Кох. Его рука. Но помочь вам он уже ничем не сможет – умер два года назад. И знаете, – удивленно сказал

он, – я даже представить себе не могу, сколько ему заплатили за то, чтобы он согласился сделать эту дешевку. Ювелиром он был выдающимся, вещи из его рук выходили уникальные, и цену он себе знал. Не со всяким клиентом бы связался. Если ему какая-то дамочка их тех, что вдруг разбогатели, начинала свои условия диктовать, а он был против, то грубо он их, конечно, не посылал, но отказывал твердо и навсегда. И вдруг это, простите, дерьмо. Бериллиевая бронза со стекляшками! Нет, я не понимаю, как он мог на это согласиться!

– Скажите, а чтобы сделать эту копию, ему нужно было иметь под рукой оригинал? – поинтересовался Алексей Юрьевич.

– Да нет! – поморщился эксперт. – Во многих каталогах есть не только изображение кольца, но и его подробное описание. Ему бы этого за глаза хватило.

– Напишите мне, пожалуйста, адрес и телефон квартиры Коха – вдруг его вдова и дети смогут что-нибудь рассказать и о заказчице, и о том, почему он вдруг согласился на эту работу.

Эксперт все написал, но предупредил, что вдова Коха и его сын собираются эмигрировать в Израиль, так что им не до разговоров, но может быть, и согласятся побеседовать. Вдову зовут Дора Михайловна, а сына – Лазарь Исаакович. Поблагодарив его, Попов вышел на улицу и тут же позвонил зятю:

– Степан! Запоминай адрес и немедленно отправляйся туда. Нужно поговорить с родственниками ювелира Коха, который делал копию старинного кольца. Выжми из ситуации все возможное, – и перечислил ему все данные.

А в доме Кохов действительно шли сборы, и, как услышал даже через две двери Степан, собиралась хозяйка крайне эмоционально. Если бы он заранее по телефону не удостоверился, что дома и мать, и сын, то решил бы, что женщина разговаривает сама с собой, потому что мужского голоса слышно не было. Несмотря на то, что он предварительно предупредил о своем визите, переговоры через дверь велись очень длительные, подробные, с неоднократным предъявлением удостоверения. Когда же он наконец попал внутрь, то сначала решил, что по квартире пронесся торнадо: все, что могло быть сдвинуто с места, было сдвинуто. Более-менее порядок в квартире сохранялся в кухне, но и то весьма относительно. Переставив составленные одна в другую кастрюли на пол, он сел на табурет и приготовился ждать, потому что по опыту уже знал, что прежде, чем ему дадут сказать хоть слово, мадам Кох выговорится сама. Она не заставила себя ждать и тут же напустилась на него:

– Мало мы от вас натерпелись! Мой бедный муж! Кто его только не проверял! Налоговая жила прямо у нас в прихожей, а пожарный надзор появлялся каждую неделю! Мы все понимаем, их дети тоже хотят кушать, но надо же и совесть иметь! Но когда к нам пришла санэпидстанция, я сказала: «Исаак! Хватит! Всех мы накормить не в силах, даже если ты будешь работать сорок восемь часов в сутки и отдавать им все до копейки! Надо ехать!» Но бедный Исаак не дожил до этого светлого дня! Он уже никогда больше не увидит Иерусалим! Он никогда не постоит возле Стены Плача! Скажите, почему у вас всегда и во всем виноваты евреи? Наш несчастный народ!

Поняв, что это песня, как казахский эпос, хоть и со словами, но без конца, Степан все-таки встрял:

– Мадам Кох! Я понимаю, что вы скорбите по своему покойному мужу, но пожалейте же и своего ныне здравствующего сына! А то случится так, что он еще очень не скоро увидит Иерусалим! – Женщина замолчала мгновенно, словно кто-то звук выключил, и уставилась на него, а он продолжал: – Дело в том, что ваш муж несколько лет тому назад сделал дешевую копию одного очень известного украшения, которая сейчас была найдена в очень необычном месте при очень необычных обстоятельствах. Как вы понимаете, я не произношу слово «подозрительных» только для того, чтобы не пугать вас. Мне нужно знать, для кого он сделал эту копию.

– Почему мой муж? – снова пошла в бой Дора Михайловна. – Можно подумать, что он был единственным ювелиром на всю Москву и ее окрестности!

– Это доказано, – кратко ответил Степан и вкрадчиво сказал: – Мадам Кох! Я понимаю! У вас перед отъездом много дел. У меня их, поверьте, не меньше. Так зачем же мы будем отнимать друг у друга время? Вы сейчас мне все расскажете, и будем считать тему закрытой. А то эти вызовы в полицию, допросы, протоколы... Кстати, вы уже забронировали места на самолет?

Кохи переглянулись и... сдались! Неизвестно, был ли Крячко смолоду таким же пронырой, как сейчас, способным, словно горячий нож в масло, войти в любую компанию, но Степан, несмотря на молодость лет, уже превосходил его по всем показателям и расположить к себе людей для него ничего не стоило. Через пять минут он сидел за столом, пил чай и вовремя и соответствующе реагировал на крайне экспрессивный рассказ Доры Михайловны, впитывая его, как губка.

– Степан, вы не можете себе представить мой ужас! – возмущенно повествовала она. – Чтобы к моему мужу вдруг прямо с улицы, не сославшись на каких-то общих знакомых, пришел неизвестный человек и предложил сделать эту мерзкую работу! Какая наглость!

– Ваш муж был очень неосторожным человеком, – осуждающе покачал головой Степан. – Вот так связаться с первым встречным-поперечным! Но, может быть, он выглядел так солидно, что поневоле внушал доверие?

– Да что вы? – отмахнулась она, но особой уверенности в ее голосе не прозвучало.

– А-а-а, так вы его видели, – сделал вид, что обрадовался, Степан. – Опишите его, пожалуйста.

Дора Михайловна замялась, и Степан взялся за тихо и безмолвно сидевшего Лазаря:

– Значит, это вы его видели?

Оглянувшись на мать, тот сказал:

– Да нет, солидно он не выглядел, а был одет просто и дешево. Шляпа такая, знаете, нелепая. В возрасте. Бородка неаккуратная. Ростом с вас. Не бомж, конечно, но где-то очень близко к нему.

– Представляю себе состояние вашего отца! – воскликнул Степан.

– Вряд ли! Мой муж, уважаемый человек, известный на всю Москву ювелир с золотыми руками... – начала было Дора Михайловна, но под взглядом Степана замолчала, а вот Лазарь продолжил:

– Знаете, папа в первый момент даже онемел, а потом спросил, не ошибся ли этот человек адресом, но тот уверенно заявил, что ему нужен именно ювелир Исаак Соломонович Кох. А уж когда он сказал, что хочет заказать копию кольца княгини Шеловской, мы сначала чуть со стульев не попадали, а потом не выдержали и рассмеялись. Папа спросил у него, представляет ли он, сколько это будет стоить, а тот... – Мужчина помолчал, видимо, вспоминая тот момент, а потом задумчиво произнес: – Знаете, он как-то так, – выделил он, – улыбнулся... В общем, нам уже стало не до смеха. Я вообще чуть язык не прикусил. Да что там я? Даже папа вдруг почувствовал себя очень неуютно, а он знаете, каких людей восвосяи отправлял? А тут вдруг ничего сказать не смог. Какой-то не такой это был человек.

– Может быть, это был уголовник? – осторожно предположил Степан.

– Мой муж и уголовники? – возмутилась Дора Михайловна. – Да что вы себе позволяете? Подобное даже предположить нельзя!

– Нет, – покачал головой Лазарь, дождавшись, когда возмущение его матери поутихнет. – Что, я их не видел, что ли? Те из них, кто теперь легальным бизнесом занимается, часто к нам приходили, чтобы что-то заказать для себя или для своих женщин. Так папа с ними не церемонился. Если это был интересный заказ, то брал, а если не хотел делать, то говорил, что за ширпотребом пусть в ювелирный за угол идут.

– Да, странная история, – покачивая головой, задумчиво сказал Степан.

– Очень странная! – согласился Лазарь. – Но когда этот человек сказал, что копия должна быть сделана не из золота и драгоценных камней, а из самого простого желтого металла и обычного стекла, папа все-таки возмутился и закричал: «Вы надо мной издеваетесь?» А тот совершенно невозмутимо ответил: «Вопрос цены. Сколько вы хотите за такую работу?» Папа тогда сказал, что не возьмется за нее ни за какие деньги, даже за... – Тут Лазарь внезапно замолчал, а потом продолжил: – Ну, в общем, за очень большие. У этого человека таких быть не могло просто по определению. А он вдруг сказал: «Вы назвали цену. Я с ней согласен. Половина сейчас в качестве задатка, а вторая половина – при получении заказа. Сколько времени вам нужно на работу? Месяца хватит?» Тут он достал деньги, отсчитал сколько надо и положил их перед папой.

– Да уж, в нелегкое положение вы с ним попали! – произнес Степан.

– Еще бы! И тут этот человек добавил, что идеальное качество не требуется, главное, чтобы на первый взгляд было похоже. Ну, мы... – Лазарь замялся.

– Ах, как я вас понимаю! – поддержал его Степан. – Получить весьма неплохие деньги за относительно несложную работу. Кто бы отказался? Лично я – никогда! Главное, чтобы деньги были настоящие.

– Знаете, это было настолько невероятно, что... Словом, папа извинился перед этим человеком и сказал, что деньги нужно проверить, а тот на это просто кивнул и все. У нас есть такой аппарат, потому что...

– Не надо мне ничего объяснять, – успокоил Лазаря Степан. – Я все понимаю! Ваши клиенты могли быть самыми честными людьми, но кто в наше время гарантирован от того, что ему не подsunут фальшивую купюру, а то и целую упаковку. Сами знаете, такие случаи, к сожалению, были.

Лазарь взглянул на собеседника благодарно и сказал:

– Фальшивых там не было.

– И когда этот человек окончательно рассчитывался, тоже? – спросил Степан, и тот кивнул. – Не понимаю, – пожал плечами он. – Если человек может выложить кругленькую сумму за копию, то почему бы не сделать ее из настоящего золота и камней? Ну пусть не совсем драгоценных, так полу? Есть же такие.

– Подобрать, конечно, можно было, да и ограничить, но раз клиент не захотел...

– А он всегда прав! – согласился Степан. – Но тут, я так понимаю, уже он рисковал. Приходит к известному человеку со стороны, оставляет немалую сумму и уходит в надежде, что все будет именно так, как он сказал. Нет, я нимало не сомневаюсь в честности вашего покойного папы и вашей лично, но согласитесь, что это странно. Или он взял расписку?

– Нет, расписку он не взял, – ответил Лазарь, честно глядя Степану в глаза.

– Значит, он подстраховался как-то иначе, – правильно оценив этот взгляд, заметил Савельев. – Как?

Лазарь продолжал все так же честно на него смотреть, и тут вмешалась Дора Михайловна:

– Леньчик! Скажи этому молодому человеку правду! Пожалей свою бедную больную маму! Она уже больше не может кушать тот дрек, который продается на базаре под видом нормальных продуктов! Леньчик! Ты хочешь застрять в России на веки вечные? Ты хочешь меня здесь похоронить? Твоему папе это уже ничем не повредит, а этому молодому человеку может помочь!

– Понимаете, – не выдержал этого напора Лазарь. – Перед тем как уйти, он сказал папе: «Не разочаруйте меня! Вот этот человек отзывался о вас только в превосходной степени, мне бы не хотелось его огорчить». Тут он папе что-то показал и ушел.

– Что это было? – вцепился в Лазаря Степан. – Вещь? Визитка?

– Это было что-то очень маленькое, а я сидел в стороне и просто не успел это увидеть, – ответил Лазарь.

– Так ты этого действительно не видел? – воскликнула Дора Михайловна, и сын кивнул. – Вы знаете, когда Леньчик мне все рассказал, я целую неделю допытывалась у мужа, кто это приходил, от кого и почему нельзя было ему отказать. Поймите, если бы кто-нибудь узнал, что Исаак работает с таким материалом, то количество ювелиров в Москве резко сократилось бы – они бы просто умерли от смеха, а репутация моего мужа была бы подорвана безвозвратно. Но он мне ничего не сказал, а когда я пригрозила, что умру от любопытства, то ответил, что лучше уж так, чем по другой, гораздо более неприятной причине. И вы знаете? Его ответ меня устроил!

– Папа только что не плевался, когда делал эту копию, – добавил Лазарь. – С его-то руками и заниматься такой ерундой! Но за месяц мы справились. Когда этот человек позвонил, папа ему сказал, что все готово. Тот пришел через несколько дней, расплатился, забрал заказ и ушел. Все, больше он у нас никогда не появлялся. Это все, что я знаю.

– Нет, не все. Вы же наверняка неплохой художник, нарисуйте мне его портрет, хотя бы приблизительно, – попросил Степан.

– Художник из меня как раз неважный. Тем более что прошло много лет, шляпа у него была надвинута на глаза, эта бородка... – неуверенно сказал Лазарь. – Но я попробую.

С трудом найдя в этом кавардаке лист бумаги, Лазарь по памяти набросал портрет незнакомца, но это больше походило на детские каракули, и Степан, посмотрев на него, пробормотал:

– Да, негусто, но зато вам теперь не о чем беспокоиться. Собирайтесь спокойно и улетайте в Израиль. Пусть у вас там все сложится хорошо.

Стоя у окна, мать и сын проводили Савельева взглядом, а потом Дора Михайловна спросила:

– Леньчик! Ты действительно все рассказал этому молодому человеку?

– А что я должен был ему сказать?! – взорвался сын. – Что папа весь этот месяц так крыл дядю Яшу последними словами, что стены краснели?

– Какого дядю Яшу? Моего покойного брата? – уточнила она.

– Вот именно! Который сидел за изготовление фальшивых золотых червонцев! А делал он их из того золота, что потихоньку покупал папа! – добавил Лазарь. – Счастье великое, что у него хватило ума не приплести к своему делу еще и его!

– Ха! Кто бы тогда оплачивал его адвоката! – воскликнула женщина.

– О, наш любимый дядя Яша! – язвительно сказал Лазарь. – Это был такой великий гешефтмахер, что мог с легкостью завалить даже самое надежное дело!

– Не смей говорить о Яше плохо! Человек давно уже в могиле! А о мертвых либо хорошо, либо ничего! – прикрикнула на сына мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.